

18+

Любовь Безбах

Мама
собирается
в командировку

Любовь Безбах

Мама собирается в командировку

«Издательские решения»

Безбах Л.

Мама собирается в командировку / Л. Безбах — «Издательские решения»,

Катю выгоняет неуживчивая хозяйка дома, а любимый человек отказывает ей в помощи. Студентка Аня в поисках лучшей жизни выходит замуж за парня, с которым едва знакома, и жизнь преподносит ей первые жёсткие уроки. Ревность и страх семейного закрепощения заставляет сторонницу свободной любви Ирину покинуть любимого. Ульяна от безответной любви превращается в русалку, а Зина в поисках приключений попадает в плен каннибалам. Сборник раскрывает читателю тайны женской души.

© Безбах Л.

© Издательские решения

Содержание

Мама собирается в командировку	6
Ночь на День лесника	11
Бестолковая Наташка	19
Русалка Ульяна	26
Робинзонша на острове каннибалов	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Мама собирается в командировку

Любовь Безбах

© Любовь Безбах, 2026

ISBN 978-5-0070-1885-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мама собирается в командировку

По пути в Алёнкину комнату Ольга споткнулась обо что-то в тёмном коридоре, нащупала под ногами ботинок и приткнула его к стене. Второй ботинок нашарить не удалось. В комнате она зажгла настольную лампу и погладила по плечу спящую дочь:

— Алёна, подъём.

Ольга будила её первой из детей. Алёнка и раньше была копушей, а сейчас она превращается в девушку, да так быстро, что Ольга иной раз смотрит на дочь и словно бы не узнаёт, и ходит молодушка павушкой, то ли по облакам плывет, то ли витает в них, а во взгляде — бархат и мечтательность. Пока соберется...

Алёна открыла один глаз — этого достаточно. По пути на кухню что-то почти невесомое мягко зацепилось за ногу. Что это, Ольга разглядела, только выйдя из коридора: на ноге ехали Алёнкины колготки. Опять мечтательная дочь с вечера колготки не постирала!

Конечно, в последнее утро перед командировкой Ольга не станет варить кашу, а лучше наделает гренок и сварит кофе всем желающим. Под ногами вертелись петрушата — маленький, вечно дрожащий пёсик Дудик и старая кошка Ночка.

— И кто их придумал, эти командировки, — проворчала Ольга между делом, — дом за две недели в бардаке потонет. Верно, петрушата?

— А? — откликнулась дочь, которая протрусила мимо кухни в ванную.

— Я говорю... — начала мама, но замолчала, потому что объяснять уже было некому, а у петрушат интересы в данный момент находились совсем в другой плоскости.

Следующий на очереди — Мишутка, этот парень самостоятельно ещё не одевается. Когда Алёна освободила ванную, Ольга как раз всё подготовила для жарки гренок и отправилась в «пареньковую» будить младшего. В детской нежно теплился ночник. Мишутка послушно сполз с кровати и утвердился на ногах, но глаза так и не открыл. Мама мягонько допихала его до туалета, в ванной поставила стаканчик с тёплой водой и вернулась на кухню.

— Ма-а-ау! Вяк! Вяк! — встретили её истосковавшиеся петрушата.

— Алёна! — крикнула негромко Ольга в темноту коридора. — Почему скотина не кормлена?

— Мама, я занята!

— Я те щас дам «занята»! Они ж меня съедят, кто тогда вам завтрак приготовит?

Ночка ждала-ждала, да и обиделась: уселась к хозяйке хвостом, по-старушечьи сгорбилась и жалобно закашляла: кхе, кхе. Ольга между тем пристроила мисочку с творогом для Миши в тарелку с тёплой водой, чтобы погрелось.

Гренки зашкворчали на сковороде, тут и умытый Мишутка явился на пороге кухни. Мама проводила его в гостиную, где папа после прогулки с Дудиком смотрел новости по телевизору. Миша получил одежду, выбрал из кучи колготки и стал задумчиво их изучать. Ладно, пока так.

Пора варить кофе. На кухне Алёнка уже сыпала корм петрушатам.

— Ты их в чёрном теле-то не держи, — сказала Ольга. — И воду менять не забывай.

— Знаю, мама, — нетерпеливо ответила дочь.

— Имей в виду, порядок в доме на тебе.

— А чё сразу я? А Андрей?

Вж-ж-ж! — зажужжала кофемолка.

— Потому что ты девушка, — ответила Ольга, и на этом аргументы закончились.

Алёнка тут же превратилась в «сварливую бабку», слова так и посыпались пулемётной очередью, и хоть бы одно приятное.

— Так, красавица моя, — остановила Ольга «пулемёт» и выключила кофемолку. — По средам пылесосишь и моешь кухню, коридор протираешь каждый день. По субботам, как всегда, вся уборка. Ясно?

Алёнка недовольно забурчала, отчетливо прозвучало «не буду».

Ольга подчеркнуто промолчала. Она убрала с огня готовый кофе и перекидала со сковороды на тарелку вторую партию румяных гренок. Алёнка обиженно насупилась и демонстративно пошла из кухни.

— И цветы поливать не забывай! — сердито бросила ей в спину мама.

В кухню двинулся Евгений и мимоходом чмокнул жену в макушку.

— Как там у Мишутки дела продвигаются? — спросила Ольга.

Евгений не помнил, на какой стадии завяз младший сын, зато что делается в Сирии... Ольга пообещала принести «свободные уши» чуть позже и скользнула в гостиную.

Младший сын завяз в колготках. Крупная, как у отца, голова на тонкой шейке чуть-чуть покачивалась, а толстые крепкие щёчки торчали сзади из-за шеи, что каждый раз вызывало у Алёнки взрыв веселья. Любящий отец переключил телевизор на канал с мультфильмами, на экране вместо озабоченных дикторов подбоченилась Мартышка и заняла все внимание мальчика.

— Ну, и что тут у тебя? — поинтересовалась у Мишутки мама. — Три вещи — и куча проблем?

— Три — это не куча, — заявила с экрана Мартышка и, поразмыслив, подтвердила:

— Нет, это не куча.

— Ну как же не куча, — возразила Ольга. — Колготки — раз, футболка — два, джемпер — три. Куча!

— Куча — это когда много, — доходчиво объяснила Мартышка.

— Вот те на! — удивилась Ольга.

Мишутка засмеялся и натянул колготки до конца.

— Молодец! Держи футболку.

Управившись с одеванием, Мишутка потопал к отцу завтракать.

— Молодой растущий организм уже проснулся? — окликнул жену Евгений.

— Сейчас разбужу, — ответила Ольга и снова отправилась в «пареньковую» — поднимать старшего. Трясти его надо долго, основательно, как-никак богатырь, трясти до тех пор, пока не сядет на кровати, иначе снова заснёт. Вот Ольга его и трясла, да ещё свет включила, иначе совсем никак. Андрейка только мычал и упрямо натягивал одеяло на голову.

В «пареньковую» заглянула Алёнка и заявила:

— Мама, ты ему ещё кофе в постель принеси!

Она шагнула к кровати, содрала с головы брата одеяло, нагнулась и проорала:

— Штырь, подъем!!!

— Нормально! Штырь! — ужаснулась мама.

— Чё ты мне в ухо орешь, я аж пророс! — возмутился Андрейка, по-молодёжному налегая на ударные гласные. Над подушкой поднялась темноволосая всклокоченная голова, из-под одеяла высунулись волосатые ноги пятнадцатилетнего отрока. В ушах обнаружили наушники, а провода тянулись под подушку. Ольга потянула наушники из сынових ушей:

— Опять? Мы ж договаривались!

— Ну ма-ам! Я же музыку отключил.

Ольга поднесла наушник к уху — и в самом деле, тишина.

— И в котором часу ночи произошло сие событие?

— Ну ма-ам!

На кухне ждала сковорода, полная масла из-под гренок. Ольга понесла её выливать и наткнулась на вездесущего Дудика. Песик вякнул, хозяйка его ещё и выругала. Досталось и

Мишутке за то, что вымазался в твороге, и Евгению, что сыну чаю не налил, Алёнка же догадалась вовремя втянуть голову в плечи — может, хоть она под горячую руку со сковородой не попадётся. Все разборки на кухне перекрыл сильный шум из коридора: Андрей споткнулся в темноте об собственный ботинок и теперь летел вдоль коридора, цепляясь руками за стены, и по пути удивлялся, обо что это он так споткнулся. Конец полёта ознаменовался грохотом падения «молодого растущего организма». На шум из Алёнкиной комнаты явилась встревоженная бабушка. Она пыталась на ходу вставить челюсть, но получилось неловко, челюсть выпала, Дудик подхватил её прямо на лету и понёсся в тёмный коридор.

— Андрей, лови его! — крикнула Ольга.

Старший бросился следом.

— Да свет включи, олух, — добавил отец.

Мишутка тут же уронил на стол ложку и побежал за братом.

— Куда? — всполошилась Ольга, но маленький увалень вдруг превратился в прыткого папанёнка и исчез за углом.

Евгений с Алёнкой захохотали, а бабушка смущенно улыбнулась, предусмотрительно поджимая губы. Дудик был изловлен, Мишутка тоже, челюсть возвращена хозяйке, а мальчишка водворён обратно за стол. Бабушка ушла в комнату, но почти тут же вернулась:

— Оля, посмотри, что-то я своих очков не найду.

— Алёна, ты уже позавтракала?

— Не-а.

— Ладно, сейчас поищу сама.

— Андрейка, ты не ушибся? — заботливо спросила бабушка.

Внучок пожал плечами. Плечи хоть куда — по-отцовски широкие, на секции парень поднимает штангу больше восьмидесяти килограммов, а тут бабушка со своим: «Не ушибся ли, внучек?»

Наконец за обеденным столом, хоть и ненадолго, собралась вся семья: солидный папа Женя, с которым на небольшой кухне сразу становится тесно, хлопотливая мама Оля, бабушка в очках с толстыми стёклами, темноволосый «в папу» Андрей, светленький «в маму» Мишутка и царевна-лебедь Алёна, вроде как ни на кого не похожая, но если приглядеться... Под столом дежурили петрушата: вдруг чего сверху свалится?

— Бабушка, не вздумай тут без меня мыть посуду, — сказала Ольга, — ещё чего не хватало. Папа и Андрей, моете посуду по очереди: день папа, день Андрей.

— А чё сразу я? — возмутился отрок. — А Алёнки чё, не будет?

— Что-то подобное я уже сегодня слышала, — менторским тоном ответила мама. — На Алёнке уборка, за вами всеми убирать — посуда за углом стоит и нервно отдыхает. На Алёнке ещё и «петрушата» и полив цветов. Всем ясна политика партии и правительства?

На кухне сгустилась недовольная тишина, даже Дудик притих. Из-под стола неторопливо выбралась Ночка и с достоинством удалилась.

— Хорошо, — сделала вывод Ольга. — И чтоб не было, как в прошлом году.

В прошлом году Ольга сильно заболела, да так, что несколько дней пролежала в постели. Бабушка с ними ещё не жила. Домочадцы сами готовили и, в общем-то, у плитки худо-бедно справлялись. Спустя несколько дней Евгений спросил жену, куда делась посуда. «Как это куда?» — удивилась Ольга. — Посуда должна быть на месте». — «Нету на месте». — «Как это нету?» — «Ну, нету. Ни тарелок, ни ложек, ни кастрюль». Страшно удивившись, Ольга поднялась с постели и побрела на кухню. И показала посуду мужу: в раковине и под столом. «Мойте, и всё будет», — добавила она, утирая от тихого смеха слёзы. «Как так? — изумился Евгений, — я её реально не видел!» — «Конечно, не видел, ты же чистую посуду искал?» — «Ну, да». — «Потому и не видел».

— Андрей, — продолжила Ольга, — если в моё отсутствие не исправишь двойку по русскому — сдашь планшет отцу.

— А чё это...

— Два раза повторять? — буркнул глава семейства.

Андрей опустил богатырские плечи. Ольга сменила тон:

— Бабушка, у меня к тебе маленькая просьба: не давай Мише много сладкого, а то опять высыплет. Ладно?

— Я и не даю, что ты! — засуетилась бабушка. — Диатез у нас, я же знаю.

Сразу после завтрака Ольга проводила Евгения с Мишуткой: запихнула сына в куртку и сапожки, завязала шапочку, обоих мужичков чмокнула в толстые щёчки, закрыла за ними дверь и перевела дух: «первый пошёл».

Второй собирался пойти, пока мама не видит, но Ольга из кухни успела заметить стриженный затылок, мелькнувший во входной двери, метнулась за Андреем и успела поймать его за куртку:

— Куда?

— Ну ма-ам!

— А шапку?

— Да не хочу я «пидарку» надевать, тепло же.

— С носа потекло, — прозаически заметила мама. — Скоро соревнования, выйдешь к штанге, а у самого сопли.

— Уй-й-й!

Штангист резким движением натянул шапку и опрометью бросился вниз по лестнице, пока мать не успела его чмокнуть. Ольга повернулась к Алёне, которая прилаживала к куртке красивый шарф и одновременно размлачивала челюстями жвачку — изящный остренький подбородок так и ходил ходуном.

— Ну, а что у тебя?

— Всё норм, — заверила маму Алёнка, задрала юбку, и, энергично вращая бёдрами, подтянула тёплые лосины.

— Норм, — согласилась мама, притянула к себе павушку и расцеловала в обе щеки и в лоб. — На тебя вся надежда. На этих оболтусов надежды нет, а бабушка у нас старенькая, за ней самой глаз да глаз нужен.

— Мама, она вчера...

— Вот и я о том же: глаз да глаз! Ну, пока, красавица.

Проводив дочь, Ольга убрала с трюмо носки двадцать седьмого размера, увидела Дудика, вздохнула и доверительно сообщила пёсику:

— Приеду, а в квартиру будет не влезть. Хоть бы цветы не высохли за две недели. Верно, Дудик?

...Ольга переступила порог и вдохнула родной запах, который совсем не чувствуется, пока живешь дома. Евгений, встретивший её в аэропорту, пошел ставить машину. В квартире было тихо. Удивившись, Ольга включила свет. Сапожки и ботинки стояли вдоль стены, как солдаты на построении, а на полу ничего не валялось.

— Ма-а-ау! Вяк-вяк!

При виде хозяйки петрушата начисто забыли о воспитании, и если бы Ольга была не в джинсах, а в юбке, они порвали бы ей колготки. На шум выглянула Алёна, да так и замерла:

— Мама...

И повисла у неё на шее. Ольга обняла свою лебедушку. Потом и Мишутку на руки подняла. Щёки младшего так и горели от свежееиспеченного диатеза. С сыном на руках Ольга пошла по комнатам, удивляясь неожиданной чистоте и без конца натываясь на кого-нибудь из

петрушат. Бабушка поднялась навстречу с дивана и закудаhtала, Ольга и её обняла. Старший сидел в «пареньковой», как тролль — безвылазно, встретить маму не соизволил и приложил максимум усилий, чтобы спрятать восторг. От чмока увернулся. Сидел он над русским, а планшет с наушниками валялся на подоконнике.

— Я пару исправил, — сдержанно сообщил он и с насмешкой оглядел шумное семейство.
— Мам, у меня соревнования на следующей неделе, ты придешь?

— Куда ж я денусь-то с подводной лодки?

— Тренер сказал, что если золото не возьму... А, короче! — оборвал себя суровый парень, да так и засиял папиной улыбкой.

Ольга в окружении младших и петрушат прошла на кухню:

— Что тут у нас? Федорино горе?

«Федорина горя» и близко не было, и даже ужин оказался готовым: картошка-пюре и чуточку подгоревшие магазинные котлеты.

— Признавайтесь, кто автор ужина? — спросила она у домочадцев.

Павушка скромно потупилась.

— Ты у меня просто умница, маленькая моя! А цветы поливала?

Тут Алёна сконфузилась и отрицательно мотнула головой.

— Ну, что мне с тобою делать? Ладно... Что-то папы долго нет. Видать, машину ставить через Ольховку поехал.

Папа вернулся чуть позже, вручил жене цветы и торт и провозгласил:

— С возвращением в родные пенаты, мать! И с командировками ты это... завязывай. Как-то без тебя несподручно.

— Первая командировка за десять лет! — засмеялась Ольга. — По моим ощущениям, надо бы наоборот, почаще ездить.

Ночь на День лесника

Даша, сонная и недовольная, сунула под локоть уставшему мужу тарелку с ужином и подала вилку.

— Сколько можно так работать, Валера? — ворчала она, подпихивая ему поближе салатик и блюдо с хлебом. — Встаёшь в пять утра, домой хорошо если к одиннадцати. Семнадцать часов рабочий день, без выходных, насколько тебя хватит, а?

— Насколько надо, — беззлобно огрызнулся Валера, равнодушно пережёвывая ужин. — Деньги нужны. Что студенту посылать будем? Да и не могу я просто так уйти с конторы, мне последний автобус принять надо.

— Деньги нужны, конечно, но не настолько же. Да и нету их всё равно, хоть заработайся.

— Даша, перестань. Нашему предприятию третий год всего, вкладываемся пока. Семье и студенту хватает, остальное необходимо для развития. На днях администрация объявит конкурс на пассажирские перевозки, маршрут хороший, прибыльный, нам выходить на него с чем-то надо? На конкурс, а? Выиграем — будем неплохо зарабатывать, можно и на пригородные заявиться на будущий год. Знаешь, наш конкурент, этот урод...

— Хоть все деньги мира, Валер, — с досадой прервала его Даша, — но хоть один выходной должен быть.

— Так надо. Мы сейчас на будущее работаем. Потом станет проще.

— Здоровье ты угробишь с таким режимом, и зачем тогда нужно такое будущее? Ты посмотри, на кого ты стал похож! Почернел, похудел, на Кашея похож стал. Какой-то такой стал... кашеистый. Даже не перекусываешь вовремя. Почему так плохо ешь?

На это Валера не ответил, потому что честный ответ, что устал, будет опять же голом в его ворота.

— Ещё и на нервах весь, — продолжила Даша. — Хоть бы по ночам не звонили, провалилось оно всё пропадом! Я вот с тобой тоже не высыпаюсь, кстати. Если тебе себя не жаль, так хоть меня пожалей.

— Меня больше твой завтрашний праздник беспокоит, — сменил тему Валера. — Этот... корпоратив ваш.

— Что в нём беспокойного-то? Уедем коллективом на берег моря с ночёвкой. Они не в первый раз ездят, я тоже хочу. Валер, я понимаю, что тебе неспокойно, но ведь коллектив не против, чтобы ты тоже был. Даже лучше, ты хоть развеешься немного.

— Не вырвусь я, и ты это прекрасно знаешь. Будешь там... с мужиками со своими.

— Я с ними работаю, вообще-то. И нас, женщин, там трое будет. И та, что в декрете, тоже обещалась. С дитём, между прочим. И вообще, речь о тебе сейчас, так что стрелки-то не переводи! А на День лесника ты вполне можешь поехать со мной и хоть раз забить на свою работу.

Дожевав салат, Валера тяжело поднялся, рассеянно обнял ворчавшую супругу и пошёл в спальню, где с наслаждением рухнул на кровать.

Даша прибрала на кухне и тихонько скользнула под одеяло. Валера уже спал и даже начал храпеть. Храп родного мужчины не мешал, не спалось по другой причине. До сих пор она благоразумно держала мнение при себе, не желая раздражать мужа, и без того нагруженного неурядицами едва народившегося бизнеса, но тут прорвало. Выплеснуть на кухне всё, что накопилось, не удалось, и сон теперь не шёл. Даша с тревогой ощупала проступившие Валеркины рёбра. «Доведёт себя кашеюшка мой... И, что обидно, обо мне забыл. Как о женщине. Совсем. Хоть насильничай, пока он спит». Даша, стараясь не потревожить сон мужа, бережно перевернула его на спину и полезла наверх. «Однако мужикам по этой части как-то проще, чем женщинам. Вот блин...»

От бесцеремонного обращения Валера проснулся.

— Нин, устал я, прости, пожалуйста, — вздохнул он под ней в темноте и длинно зевнул.
— Прости, не выспался.

— Ещё бы ты выспался, — с величайшей досадой ответила Даша, сползая с мужниного живота. — А интима уже месяц не было.

— Да ну, месяц.

— Месяц и даже больше, — заверила его жена. Валера между тем отвернулся, пристраиваясь удобнее.

— Э, куда это ты отворачиваешься? А может, ты любовницу завёл, а?

— Какая любовница?! — простонал Валера, засыпая.

Разумеется, никакой любовницы у него не было. За двадцать пять лет супружеской жизни Даша изучила мужа вдоль и поперёк и знала его, как облупленного. Вряд ли ему удалось бы скрыть амурное увлечение. Угрозило же его заняться собственным делом! Теперь вот барахтается со своими товарищами среди акул с многолетним опытом, со связями в администрации и в силовых структурах, зубастых и беспринципных. Удивительно, как его до сих пор не сожрали. «Эта проклятая работа у меня реально мужика убивает, и я ничего не могу сделать! Хоть что говори, не станет он меня слушать. И себя жалко. За морковку, что ли, браться? Или за огурец?» — думала встревоженная жена бизнесмена, а потом возьми, да и буркни вслух:

— А мне что теперь делать? Самой любовника завести, что ли?

Эту фразу спящий муж расслышал вполне отчётливо, и сон у него как рукой сняло.

— Любовника?! — он аж сел на кровати. — Так вот ты как ко мне, значит?

— Валера, я ж не всерьёз, — испугалась Даша и тоже села.

— Ах, не всерьёз? Может, и вся наша жизнь не всерьёз? Работаешь, работаешь тут, а жена за спиной шашни крутит!

— Да какие шашни, ох! Я ведь тоже работаю. И не кричи так, Катьку разбудишь. Ей в школу завтра, не выспится.

Валера рванул на себя одеяло.

— Ладно, не шашни, но свои намерения ты уже высказала. А это уже предательство, если ты не в курсе. Спасибо тебе, родная, поддержала.

Валера снова лёг, отвернулся, отшвырнул ей половину одеяла и затих. Даша едва не взвыла.

— Валера, это ж я с досады сказала. Ну, прости пожалуйста, прости дуру.

Она положила на него руку, но тот сердито отбросил её.

— Ох, дура, дёрнуло же меня! Валера, прости...

Утром они кое-как помирились, оба радуясь, что дочка спала и не заметила ссоры. Валера твёрдо решил приехать на корпоратив, только позже, когда утрясёт на работе дела. Получив прощение, Даша успокоилась и повеселела, хотя совсем не выспалась, как, впрочем, и муж.

Коллектив лесничества не стал дожидаться конца рабочего дня. Несколько человек поехали вперёд, двое остались «дежурить» в конторе до пяти, ещё двое отправились по дрова в лес на «Чайке» — большом грузовике повышенной проходимости. Даша машину не водила и подсела к сотруднице. Пока караван запутанными дорожками продвигался к морю, она фотографировала приметные места и с разъяснениями «вацапом» отсылала Валере, чтобы он смог отыскать дорогу. Связь временами пропадала.

На месте лесники организовали временный столик, приняли по рюмке для пущего веселья и поставили шатёр, да так быстро, что Даша даже фотоаппарат расчехлить не успела. Море не штормило, но грохотало изрядно. К нему вела тропинка, круто уходящая в обрыв в полтора-два человеческих роста. На срезе обрыва обнажался слой торфа, большие куски которого усеивали песок. Волны вышвыривали на берег длинные прозрачные языки, и, отступая, шипели пеной. Мокрый песок мгновенно поглощал остатки воды. Яркое солнце торопливыми

осколками отражалось в море, исполосованном Цусимским течением. Синий горизонт резко отделялся от сиреневой параллели, ближе к берегу налившейся беспокойной голубизной с прозеленью. Сентябрь на Сахалине обычно тёплый, куда ка теплее, чем июнь...

Подъехала «Чайка», парни стали выбрасывать из кузова чурки и хворост. Чурки по очереди рубили колуном. Парней сменили девчата, тоже рубили, развлекались. Получалось плохо, зато весело. Потянулась к топору и Даша.

— Даша Александровна, вы-то куда? — рассмеялся Василий, невысокий, коренастый, с круглой, коротко стриженной головой. — В чём душа держится, за колун берётесь.

— Вот в чём, — Даша задрала рукав и показала неожиданно крупный бицепс.

На глаза сотрудника набежала тень.

— Они что, настоящие? — поинтересовался он и потянулся потрогать. Даша остановила его поднятой ладонью и ответила:

— Нет, конечно, я их силиконом накачала.

— Что ты накачала силиконом, Даша? — встрепенулся старожил коллектива, лесничий Андрей Иванович.

Даша придирчиво оглядела собственный бюст и провозгласила:

— Руки!

Разожгли небольшой костёр, девчата тут же пристроили над ним гриль с кусками кабачка и морковки. Даша позвонила супругу: не передумал ли, не сорвалось ли? Нет, всё в порядке, жди. Василий съездил на своём микроавтобусе проверить ставни, вернулся с несколькими горбушами и принялся их потрошить. Даша уже чистила картошку для ухи и шурпы. Всё-таки она самая старшая из женщин в коллективе, пусть девчата отдыхают.

Подошёл Андрей Иванович, спросил:

— Твой дорогу-то найдёт?

— Должен. Я ему описание сбросила с фотками.

— Давай-ка я его лучше встречу.

— Пока не надо, спасибо, Андрей Иванович. Найдёт, куда он денется.

— Если что, встречу. Если заблудится.

— Хорошо-то как, правда, Даша Александровна? Андрей Иванович, правда? — окликнула их от костра Лена, самая молодая сотрудница. — И что к нам парни не идут работать?

— Работа тяжёлая, бояться, — презрительно фыркнула другая.

— Не дело, конечно, что девчонки на отводах сами жерди таскают, — ответила Даша, — а почему парни не идут в лесничество, скажу. Потому что мамочки любят своих сыночков. Хотите переписку посмотреть в «вацапе», родительскую группу? Надысь, помните, ветрюган был, новые остановки посдувало?

— Так их закрепили плохо, вот и посдувало, — заметил Андрей Иванович.

— Речь не об этом, — отмахнулась Даша и вытащила телефон. — Вот, полюбуйте, что пишут мамочки: Слава в школу не идёт, Миша в школу не идёт, Стёпа, Витя, Андрюша... Заметьте, десятый класс, сынки своих мамочек на голову переросли, а то и на две. Девочку только одну в школу не пустили, она с температурой была. Ну, как? Кого они воспитают? Вот и работают в лесничестве женщины.

— А отцы чего своих сыновей не воспитывают? — спросила Лена, потирая светло-серый глаз испачканным сажей кулачком.

— Разводов много. Поживут, «строганут» ребёнка, разведутся, и воспитывают сына мама и бабушка. Выйдет замуж мамаша, хорошо, если отчим займётся пасынком.

— Мужчин тоже можно понять: попробуй, полюби чужого отпрыска, — заметила Лена. — Я бы, к примеру, вряд ли. Своего люблю, а чужого... Не знаю. Вот встречу свою судьбу, не буду его заставлять. Пусть будет, как будет. Как карта ляжет. Главное, чтоб без скандалов, а в спокойной обстановке они быстрее общий язык найдут.

— Б-г в помощь, — усмехнулась Даша. — Да глаз грязной рукой не три, занесёшь чего ненароком...

Приехала сотрудница в декрете, с мужем и пятимесячным сыном. Валеры всё не было, но Даша не тревожилась: если сорвётся, он обязательно предупредит. Связь была не везде, и она то и дело ходила с телефоном на место, где «берёт». Сбросила сообщение, что его готовы встретить.

Парни вытащили из «Чайки» походную печь и затеяли уху. Женщины в шатре за разговором накрыли стол. Даша снова поймала сигнал и убедилась, что Валера звонил пять раз. Набрала сама, но он не взял трубку, зато на колее показался джип супруга.

— Ну, наконец-то, — обрадовалась она и замахала ему руками.

Джип остановился в нескольких метрах, Даша увидела сердитое лицо и сразу поняла, что он плутал, а дозвониться не смог. Только приготовилась извиняться, как Валера крикнул:

— Я уезжаю! — развернул джип и... уехал. Даша осталась стоять столбом на колее. Она набрала его номер, но тот не отвечал. Настроение сразу улетучилось.

— Да что ж такое?! — выругалась она, снова отзваниваясь. Всё ж ответил.

— Что происходит? — спросила она.

— Видеть не хочу! — рявкнул в ответ Валера. — Успела уже надраться, на ногах еле стоишь!

— Валера, что ты несёшь? — изумилась Даша, но тот бросил трубку.

Даша спустилась на берег в обрыв, чтобы разговора никто не слышал, и набрала его снова. Валера ответил.

— С чего ты взял, что я пьяная? — с возмущением спросила она. — Тут и пить-то некогда, все делом заняты!

— Видел я, какие у вас дела. Куча мужиков вокруг, ещё и чужаки какие-то!

— Нас четыре женщины и грудной ребенок! — в отчаянии крикнула она.

Валера снова отключился и больше не отвечал. Потекли слёзы. «Вот зараза, — мысленно выругалась она. — Где он чужаков-то увидел, он же всех моих сотрудников знает в лицо! Что за дурь на него напала? В конце концов, он мне праздник испортил!»

Кое-как задавив слёзы, она поднялась в лагерь. Первым её встретил Андрей Иванович, спросил, что случилось.

— Сами видели, уехал.

— Я же вижу — плачешь. Давай, я ему позвоню.

— Не надо. А вообще позвоните, он вам доверяет, и, наверное, сейчас только вас и слушает.

Валера ответил не сразу.

— Что там у тебя стряслось, Петрович? — миролюбиво спросил Андрей Иванович. — Нет, мы тебя ждём. Я бы тебя встретил, не проблема. Я ещё не выпил, не успел. Честно! Ну, ладно, как хочешь. Зря ты так.

Андрей Иванович убрал от уха телефон и развёл руками.

— Ладно, Андрей Иванович, спасибо. Потом помириться будет легче. Извините, пожалуйста.

Даша улыбнулась и вернулась к коллективу, готовая ответить на все вопросы самым браваурным образом. Позже она позвонила дочери, спросила, как там папа.

— Грустный, — ответила Катя. — Мам, а что случилось-то?

Даша обещала рассказать потом, когда сама во всём разберётся.

Весёлая компания засиделась допоздна. Девчата разбредлись по машинам спать, ушли и супруги с младенцем. Даша, подумав, оккупировала микроавтобус Василия, рассудив, что он ей мешать не будет, если увалится спать рядом. Вася, однако, проявил щепетильность.

— Спите, Дарья Александровна, я найду, где выспаться, — заверил он. — Сейчас я вам салон прогрею, чтобы не замёрзли.

— Вообще-то это твоя машина, вот и спи в ней. Я тебя даже пальцем не трону.

— Зато я вас трону, — заявил Василий.

— Чего? — хихикнула Даша.

— Возьму и пристану, — отшутился тот и захлопнул снаружи дверь салона.

«Пристанет он, как же. Скорее, я пристану». Мысль была невозможной, и Даша развеселилась. Василий влез на водительское место, завёл мотор, включил печку и ушёл.

Даша лежала, смотрела сквозь люк в крыше на редкие звёзды, думала о Валере, о его неожиданной обиде и перебирала варианты примирения. «Нет, он, конечно, неправ. Я тоже права, не надо было ниже пояса его бить. Никого нельзя бить ниже пояса, ни мужчин, ни женщин... Оба мы неправы, только от этого не легче. Катюха-то что подумает? Она так пугается, когда мы ссоримся! А если с ним самим стрясётся „седина в голову — бес в ребро“, что я ему скажу? Бизнес пойдёт, появятся денежки, и что? Новая жизнь — новая жена? Ох, что я парюсь, не стряслось ведь ещё ничего. С настоящим бы разобраться».

В отдалении, в шатре, сильно шумела подвыпившая компания, но мыслям, назойливым и вязким, не мешала. В салоне стало жарко. Хозяин машины, видать, совсем о ней забыл, и Даша, не дождавшись, подтянулась к рулю и заглушила мотор.

Мысли так и не дали уснуть. Пришёл Василий, сел за руль и принялся заводить машину. Та не заводилась. Вася озабоченно бурчал под нос, снова и снова проворачивая ключ. Даша встревожилась и села:

— Вася, я проблем наделала, да?

— Нет, ничего, Дарья Александровна, спите.

— Вася, я больше не буду твою машину трогать, честное слово. Греть не надо, мне тепло.

Тут заработал мотор, и Даша с облегчением вздохнула. Микроавтобус тронулся с места. «Переставиться хочет», — решила Даша, копошась под одеялом. Машина, однако, прыгала себе по ухабам и всё не останавливалась.

— Вась, а куда мы подались-то? — не выдержала Даша.

— Вы спите, спите, Дарья Александровна, — невозмутимо ответил Василий. Язык у него слегка заплетался.

— Мы обратно вернёмся?

— Вернёмся.

— Тогда ладно.

Даша зевнула и устроилась под одеялом удобнее. Ночное путешествие её не обеспокоило.

Минут через десять автобус резко дёрнулся, да так, что Даша, вполголоса охнув, проехала на спине до водительского кресла. Мотор заглох. Василий озабоченно повозился, вышел и стал расхаживать вокруг машины. Даша решила проскользнуть «до ветру» и заодно посмотреть, что случилось. Выбравшись из салона, она увидела товарища, который что-то искал в песке рядом с автобусом при свете телефона. Песок достигал днища.

— А, сели. Час от часу не легче, — вздохнула Даша. — Вась, а что мы ищем?

Вася ответил настолько невразумительно, что Даша, наконец, разглядела, насколько её «конокрад» был нетрезвым.

— Ладно. А как оно выглядит? Надо же знать, что искать.

В ответ снова прозвучало «му-му», и Даша, оставив Васю искать неизвестную пропажу самостоятельно, отправилась справлять нужду.

Вернувшись, она уселась на сиденье ногами наружу, чтобы разуться. Подошёл Василий, да и встал рядышком в неведомых раздумьях.

— Нашёл?

— Вот, — ответил сотрудник и показал ключи зажигания, звякнувшие в потёмках. — Дарья Александровна, вы чего не разуаетесь? Давайте, помогу.

Он взял её ногу за щиколотку и принялся стягивать старенький ботинок. Даше его внимание не понравилось, и она попыталась вытянуть ногу из его пальцев.

— Вась, щекотно, не надо. Я сама.

Но Василий упрямо продолжал стаскивать с неё обувку. Сняв таки ботинок, он с нежностью поцеловал её ногу.

— Дарья Александровна...

— Вася, ты это брось, — произнесла она, отодвигаясь, но его руки, неожиданно ласковые, скользнули выше и добрались до спины, не давая ей уклониться. Даша почувствовала запах мужского тела, вовсе не отталкивающий. Кипящая волна желания захлестнула её, ослепляя и лишая способности думать. Зажмурившись, она с силой упёрлась в Васины плечи, и он сразу же её отпустил. Она судорожно глотнула воздух и отодвинулась вглубь салона.

Василий, почти невидимый в ночи, негромко позвал её.

— Отставить! — скомандовала Даша, пытаясь прийти в себя. — Вася, нам друг с другом спать никак нельзя.

— Если очень хочется...

— Бывает, что даже если очень хочется, всё равно нельзя. Вот нельзя, и всё тут. Вася, ну чего ты завёлся, я же старше тебя лет на пятнадцать. Можно сказать, я тебе в матери гожусь.

— Я бы разобрался, на что вы годитесь, — заметил Василий, впрочем, не делавший больше попыток приставаний.

— Мало тебя в детстве отец драл, — беззлобно ответила Даша.

Васин силуэт беззвучно растворился в ночи. Даша сняла второй ботинок, рядом с машиной отыскала обронённый Василием и полезла под одеяло. Вожделение ещё не отпустило, в паху болело почти невыносимо. «Зараза Васька! Все гормоны мне перетряхнул. Шнурки на ботинках — и те стоят! — думала она с какой-то весёлой досадой. — Как у мужчин всё просто! С места, мол, всё равно не стронуться, в машине женщина, дай-ка я к ней пристану... Беда с этими мужиками. Устроили мне вдвоём фейерверк со звёздами. Со своим бы разобраться... Кстати, а куда исчез Вася? Он ведь сильно пьяный, упадёт, замёрзнет, ещё и волной зальёт! Какой тут сон?!»

В тревоге Даша позвонила Андрею Ивановичу и вкратце объяснила ситуацию.

— А, это он ставни поехал проверять, — сонно ответил пожилой лесничий. — Даша, ты не волнуйся, мы знаем, где у него ставни, так что не переживай, спи себе.

Долго ли, коротко ли, скорее, долго — послышался звук «Чайки». Большой грузовик подъехал к автобусу сзади, осветив салон фарами. Похоже, приключения подошли к концу.

Время шло. Две попытки вытащить автобус окончились неудачей. Даша решила посмотреть, почему парни так долго возятся. По-прежнему светила смазанная краюха убывающей луны и редкие звёзды. На берег шумно накатывали волны. Парень был только один, всё тот же Василий. Даша всплеснула руками:

— Вася, что ж ты подмогу не привёз? А тросы чего такие тонкие? Шнурки, а не тросы.

«Конокрад», угнавший из лагеря две машины и сотрудницу, ползал по этим «шнуркам» и по песку, пытаясь зацепить конец под автобусом. Даша полезла в «Чайку» искать лопату. Перерыла всю кабину, не нашла, взобралась в кузов, где всё днище покрывали чурки, искала под чурками. Лопаты не было.

— Вась, бросай это дело, иди спать, утром разберёмся! — крикнула она товарищу.

— Нельзя, машину морем замочет.

— Не замочет, море далеко.

Тот не ответил, занятый. Даша махнула рукой и вернулась в автобус. Вскоре на водительское место взобрался Василий, завёл мотор, пригнулся от печки, да так и уснул за рулём.

Вскоре в перегретом салоне стало трудно дышать. Автобус тарахтел и вибрировал, сзади ревела «Чайка», освещая салон сильными фарами. Памятуя трудности, которые она создала владельцу машины, Даша долго не решалась заглушить автобус. Пошевелила Василия, но тот спал слишком крепко, пришлось глушить мотор самой. «Чайку» она тоже заглушила и долго искала, как потушить фары.

Было тепло и тихо. Грохотало море. Даша, лёжа под одеялом, наслаждалась наступившим покоем. Утром приедут сотрудники, выдернут из песка автобус, и... Есть-то как хочется, а! Василий спал так тихо, что Даша подползла к нему и потрогала его руку: жив ли?

Подступил рассвет. Убедившись, что окно водителя полностью раскрыто, Даша заботливо завернула спящую «мумию» в тёплую куртку.

В начале восьмого позвонил Валера.

— Еду к тебе. Будь готова, — мрачным тоном заявил он.

— Хорошо, — смиренно ответила жена.

— Будет серьёзный разговор.

— Хорошо.

Валера отключился, а Даша бросилась будить Василия. Тот никак не реагировал.

— Вася, Вася, катастрофа! Мой «Отелло» едет сюда! Мой сюда едет, слышишь? Будет нам обоим какава с чаем!

«Мумия» потеряла равновесие и уткнулась лбом в руль. Над морем разнеслось протяжное «би-и-и!». Даша откатнула бездвижное тело назад и взялась за телефон. Начав с Андрея Ивановича, она позвонила каждому в лагере, но никто не откликнулся. Все спали. Набравшись духу, Даша позвонила даже мадонне с младенцем, но та тоже не ответила. Над морем, горестно стеная, пролетела большая чайка.

Даша снова принялась раскачивать «труп». Как ни странно, Василий зашевелился и разлепил глаза.

— Ф-фух, проснулся, — обрадовалась Даша. — Вася, срочно заводи «Чайку», сюда едет мой.

— Твой? Зачем?

— Тьфу ты! За мной! А я с тобой тут! Куда глаза закрыл?! А ну открывай! Давай, давай, открывай! Вот так, хорошо. Вася, моей семейной жизни осталось максимум сорок минут. Срочно заводи «Чайку», поехали в лагерь.

— А зачем?

Василий жмурился на свет Б-жий и безмятежно улыбался. Ему явно никуда не хотелось ехать.

— Слушай, Вася, твоя семейная жизнь, между прочим, тоже на волоске.

— С чего бы?

— Люди-то что подумают? Они ведь дважды два сложат, и у них четыре получится.

Василий посерьёзнел и невозмутимо ответил:

— Дарья Александровна, нас с вами знают уже тысячу лет. Никто ничего не подумает.

Оглядев окружающий мир плавающим взглядом, он смежил веки и снова уснул.

Даша сложила подушку и одеяло в сумку, забросила её за спину и, увязая в песке, зашагала по направлению к лагерю. Всё же это предпочтительнее, чем «картина маслом», которая предстала бы пред очи супруга в микроавтобусе.

Вскоре её нагнала «Чайка».

По лагерю уже расхаживал долговязый Андрей Иванович. Он не удивился появлению сотрудников, предложил чаю.

— Ох, Андрей Иванович, только Васе. Меня сейчас Валера домой заберёт, не до чаю, — отозвалась Даша и собралась было рассказать о своих приключениях, как из Ленкиной машины выскочил сотрудник в резиновых шлёпанцах на босу ногу и набросился на Васю с упрёками:

— Васька, ты зачем «Чайку» угнал?! У меня там тёплые вещи, кроссовки! Я мёрз всю ночь! Я же в «Чайке» ночевать хотел, гляжу — она уезжает, и все в машинах позакрывались! Ты вот всю ночь проспал...

Даша перебила его гомерическим хохотом, за что сотрудник удостоил её волчьим взглядом. «Никто не подумает, как же!» — подумала она, прохохотавшись.

Сотрудники уехали на «Чайке» вызволять автобус, а Даша до приезда Валеры успела вдоволь нажаловаться Андрею Ивановичу, какой «цирк на колёсах» устроил ей негодяй Васька, утаив только его приставания.

— Андрей Иванович, куда из «Чайки» все лопаты делись? Ведь три штуки было!

— Никуда не делись, там они. Одна под сиденьями, в кузове ещё две. Они под чурками, наверное.

— Н-да... В следующий раз вкопаем «Чайку» в песок. Я в ней ночевать буду.

Валера, получив супругу, на вид почти трезвую и вполне благообразную, заметно успокоился. Он вёл джип по прибрежным кочкам, мрачно посматривал на неё ввалившимися серыми глазами и жаловался:

— Я всю ночь не спал. Уже и квартиру себе нашёл в интернете, думал, всё, съеду от тебя.

— Чокнутый, — вздохнула Даша. — Накрутил себе невесть что.

— Накрутил, — согласился Валера. — А что я должен был думать?!

— Ты должен был остаться. А ты меня взял и бросил!

— Я был здесь лишний.

— Тебя ждали, Андрей Иванович хотел тебе навстречу поехать. Что вот люди подумали, а?

— Не всё ли равно? Меня только ты интересуешь.

— Поимей совесть, Валер, мы ж вместе уже четверть века, а ты ведёшь себя, будто женился на мне год назад. Отелло «включил» ни с того, ни с сего.

— Джульетта ты моя, — улыбнулся, наконец, Валера.

— Дездемона, вообще-то. Хотя какая разница, в самом деле. Хоть королева Изабелла. Тут, как ни крути, виновата женщина, чистый «шерше ля фам». Ты больше не злишься на меня, Валер?

— Не могу я на тебя злиться. Даша, я очень боюсь тебя потерять.

О «цирке со звёздами» Даша благоразумно умолчала. Кто знает, как отреагирует её Отелло, самый близкий и родной человек на свете? У него ведь тоже дважды два четыре получается, но никак не пять.

Бестолковая Наташка

Серый дворик перед конторой «Теплосервиса» внезапно посветлел, освещённый нечаянным солнечным лучом.

— На небе объявилось некое космическое тело! — с пафосом провозгласил Дима, раздавая сотрудникам грабли и кисточки. — Что-то оно кажется подозрительно знакомым...

— Это у вас дежа вю! — весело откликнулась Наташа, оглянувшись на солнце, обычное солнце, которого сахалинцы не видели месяца, пожалуй, полтора.

От субботника работникам коммунальной компании «Теплосервис» отвертеться не удалось. Традиционно трудовой праздник проводился в начале мая, но капризная сахалинская весна заплакалась дождями, хлюпать, как водится, начинала ближе к выходным, и субботник всё откладывался — до самого июня.

И вдруг — солнце, да ещё в пятницу! В одиннадцать утра коммунальщики собрались во дворе управы, чтобы разобрать инвентарь и разойтись по участкам. Шашлыки после уборки решили жарить за городом.

Распаковывая огромные пакеты для мусора, Дима увидел, как к Наташе вразвалку подобрался бомж и начал что-то ей активно втолковывать. «Чего он там её „лечит“? На жалость давит?» — неприязненно подумал инженер. Вмешаться он не успел: оперативно получив купюру, бомж сгорбился, воровато стрельнул глазами и убрался вон.

— Деньги девать некуда? — поинтересовался Дима.

— Это мой папа, — беспечно ответила Наташка, энергично перемалывая жвачку.

— Ишь ты, Сонечка Мармеладова, — усмехнулся Дима, неприятно удивившись.

Хорошее настроение вмиг испарилось. Дней десять назад он разругался с отцом из-за дачи. И в самом деле, что за необходимость каждый год вскапывать и засаживать необъятный огород, оббивать плёнкой большую, как вагон, теплицу, заготавливать штабеля банок с вареньем и разносолами и потом раздавать их направо и налево?! Дима отказался помогать отцу, не видя в таком труде ни пользы, ни радости. Наговорили друг другу много лишнего и с тех пор не общались, благо Дима жил отдельно от родителей ещё с тех пор, как поступил в институт.

И вдруг — щелчок по носу, и от кого!

Наташа работала в «Теплосервисе» временно вместо экономистки в декрете. Пришла сразу после института и чрезвычайно Диме понравилась — светлая и лёгкая, как солнечный зайчик. Тот, наученный горьким опытом неудачного брака, выказывать симпатии не торопился, и правильно делал. Убедившись, что девушка курит, постарался подальше задвинуть нарождавшийся интерес. Не нравились ему курящие девушки.

И вот поди ж ты...

После субботника коллектив погрузился в автобус. За городом потянулись ветхие частные дома. Наташа с одной из сотрудниц попросила шофёра остановить, потому что обещала выкопать ландыши. Оказывается, она жила в одном из домишек.

Завидев во дворе цветущие яблоню и сливу, женщины заахали и полезли из автобуса. Смекнув, что дело это нескорое, Дима выбрался следом, словно на экскурсию.

Деревья в белой пене напоили воздух головокружительной сладостью. Огород был засажен всего на треть, остальное заросло сорняками. Десяток аккуратных грядок зеленел трогательными ростками, небольшой пятачок рядом с кустами смородины занимали тщательно прополотые рядки с клубникой. За участком вздымались сопки, покрытые весенним лесом, словно закутанные в прозрачный нежно-зелёный пеньюар.

— Кто землю-то вскопал? — спросил Дима.

— Я, кто же ещё, — все так же беспечно ответила Наташа, пожёвывая жвачку.

Дима усмехнулся, приняв ответ за шутку.

— За неделю как раз успеваю: после работы по грядке, и на выходных, сколько остаётся. Потом сажаю. Здесь у меня укроп, здесь редиска...

Наташа скупыми жестами показывала грядки, и Диме невольно закралось подозрение, что она вовсе не шутит. «Отец, небось, весь участок в одиночку вскопал. Спину сорвал, как пить дать, — подумал он. — Надо хоть матери позвонить, спросить». Мысль-то мелькнула, но звонить он вовсе не собирался.

— Что, копать больше некому?

— Не-е... Раньше с бабушкой вдвоём вскапывали, так она умерла два года назад. Дом-то её был, а теперь мой. Мама по выходным приезжает, копается на огороде в своё удовольствие. Отчим не хочет.

Наташа по-прежнему беспечно улыбалась, и Диме захотелось заставить её выплюнуть злополучную жвачку. «Забор бы поправить, покосился весь», — невольно подумал он. Молча прошел в дом, заранее чувствуя ревность к мужскому духу.

Всё-то у Наташки было старым-престарым, как у древней бабки: и кое-какая мебелишка, и истёртые половики, и обои, и вдрызг застиранные задержушки на окнах. Однако было на удивление чисто. Мужчиной здесь и не пахло. «Крышу латать надо — потёки на стенах. Ремонт бы не помешал. А лучше снести всю труху и построить новое. Земля-то у неё, интересно, в собственности? Подсказать бы, помочь, так ведь подумает невесть что. Хотя какая мне разница?» Неудобными, жёсткими уголками вертелся в голове образ Наташиного отца, грязного, с запаршивевшим небритым лицом.

Из сеней заглянула Наташа:

— Вы чего?

— Да вот, смотрю, как живёшь. Как добираешься-то сюда с работы?

— На «сто шестнадцатом». А то и пешком: последний рано, в семнадцать тридцать, а я задерживаюсь часто.

— Путь неблизкий, однако, — снова усмехнулся Дима. — А потом сразу на грядки?

— Не, потом на грядки не получается, поздно уже, — засмеялась Наташа.

— А с мамой почему не живёшь?

— Дык... Взрослая уж.

Они вышли на улицу. Дима смотрел на неё несколько задумчиво, отчего Наташа заморгала, перестала жевать и опустила глаза. А Дима пытался понять, что за чудо перед ним сейчас стоит: бестолковое, курящее, с неизменной жвачкой, с ухоженным огородом, чистым ветхим домиком, и, похоже, одинокое.

На шашлыках он к ней не подходил, чтобы не вызвать раньше времени лишние пересуды, только украдкой присматривался. Он уже раз пошел на поводу у чувства... Но в этот раз, похоже, всё было без обмана, и Наташа, с виду беспечная, зато отзывчивая и добрая, и, главное, настоящая, какая есть, нравилась ему все больше.

В понедельник Наташа задержалась с отчётом и опоздала на последний автобус. Её нагнал Дима на своей «Мицубиси-RVR» — рабочей «лошадке», удобной и семью возить, и на рыбалку ездить:

— Садись, довезу.

— Я пешочком, привыкла уже.

— С подружками ломаться будешь, — с шутливой строгостью буркнул Дима, — садись.

Наташа на переднее сиденье не пошла, скромненько уселась на заднее. Жвачка куда-то делась. По пути Дмитрий Николаевич расспрашивал девушку о житье-бытье. Ему казалось, будто створки раковины чуть приоткрылись, и оттуда выглянул незнакомый пугливый человечек, и очень хотелось этого человечка выманить и рассмотреть ближе. О нём самом она не расспрашивала, и это радовало. Стеснялась, видать.

Дима довез её до калитки, и, прежде чем она вышла, сказал:

— Как удержишься на работе — звони, довезу. Листик есть номер написать?

— Не буду, — сказала Наташа, выходя из машины.

— Что «не буду»?

— Звонить не буду, — и шумно задвинула дверь салона.

«Ишь ты, — удивился Дима. — Ещё и гордая». Увидев, что она закуривает по пути к калитке, разозлился:

— Чёрт бы побрал эти сигареты! Об колёно б их, как полёно...

С досады газанул сильнее, чем нужно, и уехал.

Во вторник и среду он звонил в бухгалтерию, чтоб узнать, задерживается экономист или нет, и отвёз домой ещё раз. Сотрудницы стали беззлобно подтрунивать над Наташей, а та только отмахивалась и отшучивалась, он ведь ничего не предлагает, просто подвёз пару раз, и всё. Никаких цветов, намёков и прочее. О взглядах инженера, прожигающих до самых пяток, Наташа благоразумно помалкивала. Серьёзные глаза у него, у Дмитрия Николаевича, серые и внимательные...

— Запомни, девочка: мужчины ничего не делают просто так, — поучали её умудренные жизнью тётки.

— Рот не разевай, а то упустишь! — добродушно бухтела начальница отдела Елена Андреевна. — Да жвачку выплюнь! Девушка ты симпатичная, но жвачка портит. Вид сразу дебилный, корова коровой. Спишь с ней, что ли?

«Брошу-ка я курить, — героически решила Наташа. — Он-то не курит! Как я выгляжу на его фоне? Вульгарная девка, от которой табачищем за версту прёт». Сигареты она отдала сотрудницам, которые весело состряпали понимающие лица. Дима одобрил её решение, как же иначе?

До четверга всё было хорошо, а потом у Наташи возникла проблема. Ещё на прошлой неделе Елена Андреевна поручила ей сделать финансовый баланс за старенькую Лидию Ивановну, которая сидела на больничном. В четверг готовый баланс, подписанный генеральным, факсом ушел в районную администрацию, а исполнителем в нем значилась Лидия Ивановна.

Наташе померещилось, будто на неё обрушилось небо. Обиду из гордости она от всех скрыла, спросила у сотрудницы сигарету и в одиночестве ушла в курилку, пытаясь успокоиться и привести мысли в порядок. Позвонила подруге, утешилась немного. По пути из курилки, как на грех, встретила в коридоре со своим, как говорили сотрудницы, «персональным водителем».

Запах сигарет Дима учуял моментально.

— Курила?

Наташкин взгляд заметался.

— Да нет... — испуганно соврала она.

Дима фыркнул, развернулся и пошёл прочь. Она подавила острое желание окликнуть его. «Ну что ты будешь делать?! — злился он. — Ладно, сорвалась, трудно бросить, понимаю, но врать-то зачем? Пусть бы лучше курила, чем это враньё!»

Зазвонил сотовый. Дима подумал, что это Наташка, обрадовался, но это была не она.

Наташа добралась до своего рабочего места в некоей прострации. Димина обида неожиданно перекрыла предыдущую неприятность. «Домой пойду, не могу я здесь. Даже отпрашиваться не буду. Пусть хоть прогул ставят, всё равно терять нечего», — решила она.

По пути к остановке она заметила Димин «RVR», проезжавший мимо. Дима был не один: рядом с ним сидела прелестная пассажирка. Наташа встала столбом посреди улицы, не в силах сделать вдох. «Ах, вот оно что, — подумала она. — У него другая. Да что я себе вообразила? Пару раз отвёз домой из жалости, а я понавыдумывала невесту что!» Она зашагала дальше, гордо вскинув голову. «Неужели я всерьёз решила, будто он может в меня влюбиться? Дура, дура белобрысая! У такого мужчины, как он, я только жалость способна вызвать. Потому что я

жалкая! И потому что дура долбанутая. Белобрысая, курносая, с глупой рожей. В чёрный цвет покрашусь! В черный, траурный! А завтра меня за прогул уволят, и буду дома сидеть. С голоду помру, чтоб знал, за что жалеть надо! Нет уж, покрашусь в чёрный и стану другой — сильной и независимой, как все брюнетки. Он мне ещё замечания смеет делать — да кто он такой?!»

В магазине она купила краску для волос. Дома развернула инструкцию: волосы ещё не красила ни разу. Попыталась прочесть, но строки прыгали перед глазами, непослушные буквы разбегались и в слова не складывались. Промаявшись над ними битый час и едва разобрав, как готовить краску, Наташа отложила инструкцию, решив обойтись без неё. «Чем дольше, тем лучше», — рассудила она, неловко размазывая краску по волосам. Намотала на голову пакет, сверху полотенце и занялась растопкой печи.

На второй час жжение под чалмой стало невыносимым. Наташа, погружённая в мрачные думы о несчастной своей любви, наконец, заметила это. «Ничего, потерплю. Зато наверняка. Чёрная буду, как рубероид! И никаких белокурых волосиков! Почему же я такая слабая? Почему мне обязательно кто-то нужен, будто я одна не проживу? И не кто-то, а именно Дмитрий Николаевич? Брюнетки, говорят, сильнее блондинок. Девчонки вон, собственный бизнес строят, карьеру делают, мужиков ни во что не ставят и ни от кого не зависят. Детей рожают без всяких мужей! Дался мне этот Дима... Он обо мне уже и думать забыл, а мне так плохо, будто по мне слоны топтались».

За окном стемнело. «Хватит, наверное», — подумала Наташа, налила в таз тёплую воду и размотала чалму.

Свои радикально чёрные волосы Наташа оставила в тазу.

Охнув, она бросилась к зеркалу. Оттуда глазами побитой собаки смотрел овальный «котелок» с неряшливыми черными клочьями на макушке. Кожу покрывали серые с прозеленью пятна.

— Мамочка... — простонала несчастная Наташка и попятилась от зеркала.

Она не сразу услышала телефонную мелодию. Убедившись, что звонит Дима, испугалась и обрадовалась. «Чему я радуюсь, дура лысая?! Та, что в машине сидела — с волосами, небось». Вмиг обидевшись, сбросила звонок и отключила телефон.

Долгая ночь, душная, блёклая, растерявшая краски, какой бы горькой ни была, всё же пошла на убыль. Измученная Наташа задремала и благополучно проспала подъём. «Всё равно в таком виде на работу нельзя, — подумала она, подавив первый испуг. — Придётся сначала парик купить. Хоть бы только Дмитрий Николаевич на глаза не попался, я тогда не знаю, что со мной будет. Где бабушкина косынка, блин?» Бабушкины вещи она так и не разобрала, и теперь пришлось внедриться в её комод.

Хотелось курить, но сигареты дома два дня как не водились. «И сигарет заодно куплю», — решила Наташа.

Так она и сделала. Местный супермаркет предлагал целых пять париков, которые Наташа перемерила, брезгливо морщась. Парики неприятно елозили по чувствительной, обожжённой коже. Купив более-менее подходящий (чёрный!) парик, Наташа пристроила его на голове, купила сигареты и жадно выкурила одну прямо около «сельпо», и, преодолевая дурноту, поплелась на работу, куда ей совсем не хотелось.

У самой конторы её обогнал знакомый «RVR». Наташу словно кипятком окатило.

Дима припарковался и пошёл к дверям управы, но, почувствовав взгляд, обернулся.

— Наташа? — удивился он. — Ты... ты где была?! Ладно, не дозвонился — понимаю, обиделась, а сейчас-то тебя где черти носят? Ни дома её, ни на работе...

Домой к ней, значит, ездил? Наташа насупилась и хотела пройти мимо, но Дима удержал её за локоть. Наташа сердито вырвалась.

— Ну, прости, Наташ... — примирительно сказал Дима.

Она клюнула на «прости» и на мягкий тон. Ни к чему он ей, однако, дорогу перегородил...

— Обижаться не на что, — ответила она и попыталась его обойти.

— Ну-ка, стой, — нахмурился Дима. — погоди, Наташ. Вчера я был неправ. Я отвернулся от тебя в самый неподходящий момент, хотя вообще-то понял, что у тебя что-то случилось. Я об этом уже тысячу раз пожалел! Но ты вчера мне соврала, вот это совершенно не надо было. Просто не ври больше, не нужно нам это враньё. Хорошо?

Наташа смотрела на него пасмурным взглядом.

— А зачем тебе? — спросила она. — С девушкой своей договаривайся. О чём угодно.

Дима, казалось, не очень-то удивился.

— Нет у меня никакой девушки. Уже напести с три короба успели?

— Просто видела.

— Может, и видела когда-то. Я же не монах.

— Типа как бы расстались, — съязвила Наташа.

Дима вздохнул:

— Что, где и когда ты видела?

— Вчера. В твоей машине. Всё, хватит.

Наташа таки обошла его и решительно зашагала к управе, а потому не увидела широчайшей Диминой улыбки.

— Так это Алёнка, сестра моя! — крикнул он вдогонку.

Наташа резво обернулась:

— А?

Дима подошел к ней:

— Сестра. Я её с рынка забрал. Она так нагрузилась, будто не пешком была, а на самосвале. Муж у неё в море... Ну, вот... А теперь рассказывай, что у тебя вчера стряслось, да поскорее, пока нас обоих за прогул не выперли.

«Производственные» неурядицы уже не казались Наташе концом света. Она рассказала в двух словах, что произошло.

— Несправедливо, — проникся Дима. — Ты с начальницей не пробовала поговорить на эту тему?

— С Еленой Андреевной? Не-а. Она же начальница, что я ей скажу?

— Ты же временно работаешь, чего тебе бояться?

— А вдруг «на постоянно» оставят? А, ладно...

— Она ж пенсионерка, Лидия Ивановна, за которую ты баланс делала? Бойтся, поди, как бы её на пенсию не отправили. Подождёшь до шести? Вместе поедem.

И добавил:

— Парик-то незачем. Не от кого тебе прятаться.

Наташа мигом вспомнила о новой неприятности.

— Подожди, Дим, я главное не сказала.

Помявшись, она стянула парик (никакой лжи теперь!), будто в прорубь бросилась:

— Вот такая я, видишь? Всё, разговор окончен?

Дима от изумления издал невнятный взглас, а потом спросил:

— Ты... Ты что? Ты что, я не понял?..

— Покрасилась неудачно.

— Ты же голову себе сожгла! Ох, беда с тобой, горе луковичное...

Наташа вмиг почуяла его жалость, быстренько приладила парик на место и неуверенно улыбнулась.

— Не переживай, — утешающе сказал Дима. — Волосы — не зубы, отрастут. Ты и так славная.

Наташа расцвела и рысью понеслась к себе в отдел.

— Ба, легка на помине, — встретила её очень строгая Елена Андреевна. — Что ещё за новости? На часы смотрела?

— Извините за опоздание, — пробормотала Наташа.

— Та-ак... Повернись ко мне и объясни причину опоздания, а не бормочи себе под нос!

Наташа уже уладила самую животрепещущую неприятность, поэтому, заслышав менторский тон начальницы, осмелела и закусила удила.

— Вы со мной в таком тоне не разговаривайте! Я вам не школьница. Будете меня здесь строить, я... парик сниму!

— По мне — хоть трусы снимай. Объяснительную на стол, хабалка!

Наташа демонстративно стянула парик. Она думала, что все будут смеяться, но сотрудницы вместо этого дружно заахали и запричитали.

— Да, милая, волос нет — и терять нечего, — вставила копейку и начальница, и в голосе ее просквозило искреннее сочувствие.

В отдел заглянул генеральный:

— Что за шум в рабочее время?

Наташа нахлобучила парик задом наперёд и метнулась на своё место. Женщины уткнулись в бумажки, кое-кто давил непрошенный смешок. Генеральный украдкой глянул в зеркало: не над ним ли смеются? Разозлился, рыкнул Елене Андреевне:

— Будьте добры, пройдите ко мне в кабинет!

Начальница с независимым видом прошествовала вслед за генеральным.

Сотрудницы вволю нажалелись, утешили Наташу, получили от неё свежекупленную пачку сигарет, покивали и к возвращению начальницы утомонились.

— Объяснительную всё-таки напиши, надо, — мирно сказала Наташе Елена Андреевна.

Та послушно кивнула.

— И в другой раз в отчёте исполнителем себя укажи, а не Лидию Ивановну, — продолжила начальница. — Я не могу уследить за всеми. Вы ошибаетесь, а я виноватая хожу. Вышло, будто я человека на больничном работать заставила.

Лицо у Наташи вытянулось. А ведь верно: она же сама забыла сменить в балансе фамилию Лидии Ивановны на свою. А грешила на начальницу! Ох, стыдно — за одни только нехорошие мысли о человеке!

После обеда в контору наведальась и сама Лидия Ивановна.

— Надоело болеть, — пожалилась она. — Не простуда, а прямо аллергия на климат! Поработаю до зимы и уйду на пенсию. Пусть молодежь работает.

И многозначительно посмотрела на присмирившую Наташу.

После работы Дима снова наблюдал, как Наташа дает папашке деньги. «Ходит к ней, как в кассу, — злился он. — И вмешиваться нельзя. А если бы мой отец был таким, что бы я делал? Она вон своего не „посылает“, в отличие от некоторых...».

Ссора с отцом по-прежнему тяготила. Надо идти на мировую, да гордость не позволяла. Скажет отец — явился, когда уже всё вскопано и посажено, а сыну и крыть нечем.

От размышлений отвлекла Наташа, которая уселась на пассажирское сиденье и глянула на Диму хитрющими глазами.

— Всё, неделя отработана? — спросил он.

— Угум!

— А поехали завтра за город? По лесу побродим, черемши наберем, шашлыков нажарим?

— Хоть на край света, — улыбнулась Наташа.

«Отцу-то я всё ж позвоню», — основательно подумал Дима, а вслух сказал:

— А тут и так край света, — и сощурился на «некий космический объект», выплывший к вечеру из серой сплошной пелены.

Русалка Ульяна

*У ворот берёза зелена стояла,
Зелена стояла, ветвями махала.
На той на берёзе русалка сидела,
Русалка сидела, рубахи просила:
«Девки, молодухи, дайте мне рубахи!
Хоть худым-худеньку, да белым-беленьку!»*

Песня-оберег

Хороша Ульяна, статная, белолицая, глаза — что два озера в ненастье, ресницы пушистые, брови узкие да изогнутые, губы парням на погибель, волосы тёмные, блестящие, сколько гребней Ульянкина мать переломала! Умеет Ульяна прясть и ткать, и рубашки шить, и в поле работать, и хлебы ставить.

Горе Ульяне, горе! Люб ей соседский Николка, да не смотрит он, не любит девичьей царской статью, шеи лебединой не замечает, а любит лишь одной Алёной. Росла Алёна вместе с подругами, самой была невзрачной, расцвела в одночасье, похорошела — подлость, подлость-то какая! Смотрит Ульяна на Николку, глазами зовущими поедает, а тот лишь Алёну видит.

Плачет Ульяна злыми слезами, жгучими, плачет и пол в избе ветками берёзовыми устилает: Семик* на дворе нынче. Окна тоже ветками украсила, над дверями веточки повесила.

Мимо окон идут подруженьки, песни поют. Вышла с ними и Ульяна, дома в Семик сидеть негоже. Яйца крашеные с собой прихватила, пирог с капустой да ленты атласные, разноцветные.

Вышли девушки за околицу, заломали в рощице берёзку белую, на лугу поставили, стали лентами обвязывать.

«Берёзонька кудрявая,
Кудрявая, моложавая,
Под тобою, берёзонька,
Всё не мак цветёт,
Под тобою, берёзонька,
Не огонь горит,
Не мак цветёт,
Красные девушки
В хороводе стоят,
Про тебя, берёзонька,
Всё песни поют».

Стали девушки венки плести из берёзовых ветвей и цветов полевых. Пела с ними Ульяна, утешалась, венок плела пышный, кудрявый:

«Завили веночки,
Завили зелёные
На годы добрые,
На жито густое,
На ячмень колосистый,
На гречиху чёрную,

На капусту белую».

Пела Ульяна, венок плела, да на Алёну всё поглядывала. Недобро смотрела, ревниво: какой её Николка видит, что Ульяну не замечает? Алёна беленькая, тоненькая, волосы на солнце розовым отсвечивают, вот и светится соперница, словно свечечка церковная. Хоть и тоненькая, а грудь крепка и увесиста, сарафан ладно сидит. Солнце яркое сияет, июньское, всё равно ему, Алёна ли, Ульяна, иная ли девушка. Солнце жаркое, равнодушное. Злитесь Ульяна, чуть не плачет. Обидно ей, что соперница тоже хороша, есть на что Николке любоваться.

Клади девчата венки друг другу на головы, водили хороводы, песни пели, угощенья ели. Бегом к реке побежали на венках гадать. Бегут, смеются. И Ульяна смеётся, хоть и горько ей.

Река глубока, величава, на песке лодки перевёрнутые, на кольях сети сохнут. Не ходить рыбакам по реке всю русальную неделю! Девушки в воду венки бросают, песни напевают:

«Стану на крутом берегу,
Брошу венок на воду,
Отойду подале, погляжу:
Тонет ли, не тонет ли
Венок мой на воде?
Мой веночек потонул,
Меня милый вспомню:
«О, свет моя ласковая!
О, свет моя приветливая!»

Бросила Ульяна венок вместе со всеми. Веночки в воде чуть покачиваются, прочь поплыли, девчата от восторга ахают: быть им замужем! А Ульянин венок ко дну пошёл! Охнула Ульяна, распрямилась, рот ладонью прикрыла. Мимо Алёнкин венок проплыл, словно Николка прямо из рук уплывает. «Потонул мой венок — не бывать мне женой Николки! — думает Ульяна в отчаянье. — А то и вовсе помру!» А Алёнка радуется:

— Ах, подруженьки, к нам на Троицу сваты придут!

— Чьи сваты, от кого? — вопрошают девчата, Алёну окружили, у самих глаза горят.

— За Николку замуж выйду.

— За Николку! Разлучница... — шепчет Ульяна помертвевшими губами, а потом и в голос закричала:

— Разлучница!

— Я? Разлучница?

— Разлучница!

Сбились в стайку девчата, переглядываются, а Ульяна от них пятится. «Умру! Умру! Ну и пусть! Не хочу жить, не хочу, не хочу!» Побежала Ульяна прочь.

Домой, домой! Обняла берёзу, подругу давнюю, что под окнами растёт: берёза, берёзонька, что же мне так плохо? Как быть? Как Николку приворожить? Не молчит берёза, листьями в ответ шелестит, да не внемлет Ульяна, что подруга верная нашептает ей торопится.

Нет ей и дома покою. И матушка, и батюшка, и братья-сёстры меньшие утешают её, да так и не утешили. Удивляются: что случилось с сестрицею, такую доброй и ласковой? Поможет всегда, приласкает, словом добрым утешит, а тут сама не своя.

И сон не идёт, а как пришёл, ещё хуже стало. Снится Ульяне, будто стоят Николка и Алёна по пояс в воде, в руках венок один на двоих, и целуются через венок. А потом венок и вовсе исчез... Проснулась Ульяна в слезах, вскочила с постели: «Ой, душно мне! Не могу жить, умру без Николки! Будет её ласкать, целовать, в глаза смотреть... Не могу!» Побежала из дома.

Луна почти круглая, яркая, не доросший край во тьме чуть светится. Побежала Ульяна к реке, следом пёс Дружок увязался, хозяйку свою охраняет, на кусты рычит. На реке лунная дорожка к ногам проложена. Побежала Ульяна прямо по ней, да не держит её дорожка, серебром рассыпается. Затявкали на берегу пёс, почуял недоброе. Подкосила вода ноги, упала Ульяна, сразу до нитки вымокла, да всё дальше, дальше от берега, с головой под воду окунулась.

— Ах! Ах! — тавкает Дружок, в воду сунулся.

А вода-то злая оказалась, с Ульяной не шутит! Рванулась наверх Ульяна, а её чьи-то пальцы по рукам-ногам гладят-прихватывают, вниз тянут, да шепоток слышен: «Оставайся с нами, Ульяна, тебе хорошо будет!» Устала Ульяна, руки-ноги слабину дали. Огляделась, а вокруг тени светлые мечутся, да слышны смешки девичьи. И всё светлей и светлей становится. И видит Ульяна: вокруг всё девицы молоденькие, одна другой краше, лица приветливые, волосы распущенные плывут свободно. Нагие девицы, бесстыжие. Испугалась Ульяна:

— Русалки!

— Русалки, русалки! — подхватили девицы, сами смеются, и видит Ульяна среди них сельчанку, что несколько лет как пропала, и с соседнего села знакомую, что утопилась, говорят, от любви несчастной.

Горе Ульяне, горе! Хочет она расплакаться, а как заплачешь, если кругом вода? Зазвенели девичьи голоса:

— Не плачут русалки, смеются только!

Принялись они щекотать новенькую. Расхохоталась Ульяна. Всю одежду с неё сорвали, волосы распустили, крестик прибрали незаметно, за бока хватают, за рёбра. Уже и отпустили её, а она всё хохочет, так ей стало хорошо и весело. Не плачут русалки, смеются только! И не слышит Ульяна, как плывёт по-над рекой вой-плач Дружка верного.

— Ведьма, ведьма! — закричали русалки.

Явилась к ним старшая русалка. Космы иссиня-чёрные плавают вокруг головы, на скрюченные пальцы похожие, узкие глаза зеленою вспыхивают, гордый рот в усмешке кривится. Красива и страшна русалка-ведьма! В груди Ульяны захолонуло. Молвит ведьма:

— А, явилась-таки! Ждала я тебя, Ульяна. Даю тебе испытательный срок. Не понравишься мне — испытание назначу. Пройдёшь испытание — останешься с нами на веки вечные.

— А если не пройду? — шепчет Ульяна.

Не услышала её ведьма, не ответила, уплыла прочь.

Стала Ульяна жить с русалками. Луна круглолица, ночи светлые. Выбираются русалки на поля, пляшут, хохочут. Сухо на полях — дождь наслали, чтобы у людей на столах круглый год стоял хлебушек душистый. А поле сельчанина трудолюбивого да жадного, что на русальной неделе работать вздумал и семью заставил, со смехом вытоптали. Не гнутся ржаные колосья под ножками лёгкими, русалочьими, но видит Ульяна — не уродится рожь, поляжет вся.

Ночью к сельчанке нерадивой в дом забрались. Ульяна удивляется:

— Зачем это?

— Спать ложится, не молится, — отвечают русалки, да всё смеются. Кухню водой заплескали, нарядный сарафан вымочили, пряжу всю из дома выкрали, унесли, потом на ветвях сидели, краденую пряжу разматывали, серебристый смех звенел по роще.

И днём по полям, по рощам гуляли-танцевали, одиноких путников поджидали. Сельчане в одиночку в эти дни не ходили, опасались, что с русалкой повстречаются. Лишь ребёнка русалки встретили, мальчишку-непоседу пятилетнего, что из дома удрал из-под опеки старших. Окружили мальчишку, завертели в хороводе, принялись его щекотать, да и сами хохочут. Мальчишка визжит, захлёбывается, в траву упал. Поняла Ульяна, что не отстанут русалки, защекожут до смерти.

— Ой, сестрицы, не надо! — взмолилась она, но её не слушают, всё хохочут.

Убежала Ульяна от сестёр, в реку бросилась, схоронилась на дне. Тут и русалки закружились, вернулись в реку. «Не успели они мальчишку защекотать! Значит, бросили его, ветреные головы», — решила Ульяна и успокоилась.

Ночью к родному дому пробралась, зайти не решилась, всё в окна заглядывала сквозь щели в ставнях, ничегошеньки впотьмах не разглядела. Тоскливо стало, обняла Ульяна берёзу верную. Замерла берёза, не шелохнулась, пока Ульяна её не отпустила.

Гуляют вечерами влюблённые пары. Увидала Ульяна и Николку с Алёнкой, словно острый нож вонзился в грудь. Держатся молодые за руки, тихие беседы ведут. Рассмеялась Алёнка, побежала от Николки, он за ней. В реку Алёнка бросилась, на любимого водою брызгает. Ульяна под корягой схоронилась, злится, ждёт, когда разлучница ближе подберётся. Дождь-лась, схватила её за ноги, под воду увлекла, только и успела Алёнка вскрикнуть. Вырывается Алёна, бьётся, сильная, хоть и тоненькая, но Ульяна сильнее, правда ведь за ней! За волосы дерёт разлучницу, тащит её под корягу, рубашку на ней порвала, плечи белые расцарапала.

— Куда ты полезла, глупая? Забыла, что в русальную неделю купаться нельзя?

Примотала она несчастную к коряге за прядь волос, ещё одну прядь примотала. Алёна глаза выпучила, рот разевает, как рыба на берегу. Схватили её сильные руки, из реки тащат, а волосы, к топляку примотанные, не пускают. Ахнула Ульяна: Николка! Мелькнул нож, отсек волосы. Вытащил Николка свою зазнобушку, понёс к берегу, поникшую, погасшую.

Нет у русалки Ульяны ни досады, ни радости, только ужас грудь разрывает: «Что же я наделала? Чуть душу светлую не погубила! Что же это со мною делается?! Всех жалела, помогла всем...».

Уплыла Ульяна, где поглубже, зарылась в ил, на дне схоронилась. Ночь лежит в тоске, день лежит, уже и вечер. Сёстры-русалки её отыскиали, вокруг хороводятся, песни поют.

— К ведьме! К ведьме! Ждёт она тебя, сестрица добрая!

Поплыла Ульяна к ведьме. Та живёт в глубоком омуте, там у неё огонь горит, не простой огонь, колдовской, синий с прозеленью, языки, как угри, извиваются. Стоит на огне котёл. Ведьма на Ульяну своими страшными углями из-под чёрных бровей зыркнула, в котёл гнилых водорослей набросала, заклинания шепчет.

— Пожалела разлучницу? Ребёнка в поле пожалела? Зачем жалеешь? Большое богатство ждёт его. Будет тебе испытание.

В кулаке ведьмы на верёвке крест качается. Да не крест это, а фигурка человека с руками в стороны, голова запрокинута, рот раскрыт. Из водорослей фигурку-амулет ведьма сплела. Опустила она амулет в котёл с варевом пузырящимся, повертела, да Ульяне на шею надела, на шею безвольную, бесчувственную. Дрожит Ульяна, в глаза ведьме смотреть боится.

— Изведи Николку своего, — велит ведьма, — изведи, сгуби. Не пройдёшь испытания — изгоним тебя навеки.

— Куда ж мне тогда? — шепчет Ульяна, но не слышит ведьма, к котлу её подталкивает:

— Смотри, смотри на своего милого.

И других русалок зазывает, что неподалёку крутятся, сестрицу ждут. Сгрудились русалки вокруг котла, варево в нём прояснилось, и видят сестрицы, как по селу ряженные ходят.

— Проводы, проводы! — зашумели русалки, в ладоши захлопали.

Как проводят сельчане русалку, больше сёстрам на землю целый год не выйти.

Шествует по улице «конь» — два парня под парусом, передний шест держит, на него конский череп насажен, не просто череп, а взнузданный, за узду ведёт «коня» Николка, и до чего смешной: в алых шароварах, в валенках, в скоморошьей яркой рубаше, а на голове — вот смех-то! — кичка! Вокруг народ радостный, принаряженный, тут же детишки бегают, кричат, личики сажей перемазаны. «Конь» игогочет, взбрыкивает, девок да баб из-под паруса за юбки хватает. Колокольчик брякает на конской шее.

«На Гряной** неделе
Русалки сидели.
Проведу русалок
Из бору до бору,
Русалки чтоб ни лоскотали***,
В зиму не кликали,
Летом не пужали».

Хохочут русалки, радуются, на гулянье любят через ведьмин котёл. Ульянкин глаз острый, приметливый, видит она, как поворачивается голова Николкина в сторону избы Алёнкиной. Алёны в толпе нет, хворает она после купания. Ульянина ладонь на сердце легла, а под рукой — амулет из водорослей.

Молвят русалки:

— Иди, сестрица, иди, да возвращайся скорей. Скоро проводят коня нашего, поздно будет.

Подплыла Ульяна к самому бережку, зовёт любимого, да не голосом его кличет. Николка зов слышит, а не понимает, не поймёт, отчего его к реке потянуло. Нахлобучил он кичку на голову друга, поводья ему передал и побежал к реке.

Следом детишки увязались, но Ульяна зашипела на них, тихо, но дети отстали, и остался Николка один. На берегу сбросил скоморошью рубаху и вошёл в воду. А там Ульяна ждёт, улыбается и манит белой рукой.

— Ульяна, — молвит Николка. — Зачем ты так? Сколько матери с отцом горя принесла!

— Иди ко мне, Николка, иди, — манит его Ульяна. Волосы на спину откинула, колыхнула тяжёлой грудью. Хочет Николка отвернуться от наготы девичьей, но не может, держит его колдовство ведьмино. Шаг за шагом ступает по дну всё глубже. Всё ближе Ульяна, всё ближе глаза её тёмные, сумеречные.

— Виноват я перед тобой, — шепчет Николка, — по моей вине ты в реку бросилась, по моей вине душу свою погубила. Давит меня тоска, вздохнуть не даёт. Ты прости меня, милая, нет покоя мне без твоего прощения.

А сам всё ступает, и вода уже по грудь поднялась. И видит Ульяна вокруг него чёрное облачко, плотное, беспросветное. Давит оно Николку, не даёт вздохнуть полной грудью. Её, Ульянино, облачко. Хочет Ульяна прогнать его, а оно лишь сгустилось плотнее.

До чего же красив Николка! И сила при нём, и воля, и нрав весёлый. Прижаться бы к нему, обвить руками, зацеловать, раствориться бы в нём! Сгинет Николка в реке, красоту и нрав с собой унесёт, на земле не оставит: не бегать по сельским дорожкам его детям. «Не могу, не могу», — шепчут губы Ульяны. Вздохнула она, амулет скользкий отвела от груди и сняла с шеи. Пальцы разжались, амулет змейкой кровавой скользнул в глубину.

Вздрогнул Николка, остановился, как вкопанный, увидел, что стоит в воде по грудь, стал оглядываться. Ульяна под воду ушла, будто не было её.

Сельчане со смехом «коня» растащили, череп конский в яму закопали. Больше русалкам на землю ходу нет. Побежала ребятня к реке купаться!

Ждут Ульяну сестрицы-русалки, в стайку сбились. Не смеет Ульяна к ним приблизиться. Тут и ведьма объявилась. Волосы, словно клубок змей, шевелятся, амулет из водорослей на шее висит, «рот» фигурки сучком заткнут.

— Не место тебе среди нас, — молвит ведьма, а сама брови сдвинула.

— Не место, не место, — эхом запричитали сестрицы.

— Уходи прочь!

Тянут сестрицы к Ульяне руки, но не мольба это, а прощание.

— Прощайте, сестрицы милые! — вскрикнула Ульяна.

— Прощай, прощай...

На берег нельзя, и в воде нельзя... «Куда ж мне теперь?» — тоскует Ульяна. И плакать не может, вода кругом! Не плачут русалки, смеются лишь... Слышит — словно зовёт её кто-то. Выплыла Ульяна, да и поднялась над водой. Удивилась, руки раскинула, словно птица, и полетела куда-то! Чей-то шёпот услышала и полетела на него.

Вот она, изба Алёнкина, оттуда шёпот. И вот Ульяна в избе, а как сюда попала — сама не знает. Шепчутся Алёна и Николка. Николка любушку к себе прижимает, по волосам гладит, утешает. Плачет Алёна. И чёрное облачко над ними, на двоих одно, так и льнёт, так и придушивает. Тянет к нему Ульяна невидимые руки, хочет убрать, но не слушается облачко. «Что же делать? — думает Ульяна, — как же облачко отвести от них?»

Поцеловала она любимого в лоб:

— Ты прости меня Николка, за вину твою невинную! И за то, что чуть не сгубила тебя, прости! И ты, Алёна, прости меня, виноватую! А уж ты передо мной ни в чём не виновата.

И Алёна в лоб поцеловала.

Тут и растворилось облачко без следа. Поднялась любовь светлая, засияла, чёрным облачком едва не задушенная, осветилась изба, и перестала Алёна плакать.

А Ульяна уже домой спешит. Мама, мамонька, тятенька милый! Как вы там без меня? Справляются ли младшие братья-сёстры? Стала Ульяна прощаться, хоть и не видят её родные. И родителей чёрное облачко окутало, душит, Ульяну не слушается, не отпускает отца с матерью, дитя родное потерявших. Горе Ульяне, горе, бессильна она! Целует она мамоньку, тятеньку, целует сестёр, братьев.

А потом полетела в небо. Выше деревьев уж поднялась, а дальше никак. Не пускает небо к себе. В воду нельзя, в небо нельзя, и на земле места нет...

Вернулась Ульяна к дому, берёзу свою обняла. Приласкала стройный ствол в сарафане белом, ветви вольные пригладила. Прильнуло к Ульяне дерево. Берёза, берёзонька, душа моя! Моя берёза, я — берёза! Прикрою окна от солнца жгучего, от ветра сильного. Родителей милых, сестёр и братьев от всяких напастей уберегу.

*Семик — праздник, отмечающийся на седьмой неделе после Пасхи, в четверг перед Троицей.

**Грязная неделя — русальная неделя, начинается в четверг перед Троицей.

***Лоскотать — щекотать.

Робинзонша на острове каннибалов

Лёгонькая — это не прозвище, такого прозвища мне бы никто не дал. Это фамилия. Что ж, природа требует гармонии. Что-то ведь должно меня уравнивать! А это не так просто, если учитывать мой вес в килограммах.

Зато я легка на подъём.

Сломанная расчёска полетела в угол. Хлипкие нынче расчёски стали делать... Я вышла из каюты. Замелькали под ногами скрипящие ступеньки трапа — и я на верхней палубе «Адмирала Ухау», залитой тропическим солнцем. Пассажирский катер с милитаристским названием уверенно рассекал волны Тихого океана. На простых деревянных скамьях сидели такие же туристы, как и я, и наслаждались тёплым бризом.

«Адмирал Ухау» вёз нас на соседний островок — на экскурсию. Один из туристов впился в меня взглядом. Ещё бы, меня хоть в рогожку заверни — всё равно будут пялиться. Я, в отличие от женщин из нашей группы, оделась не в майку и шорты, а в простое летнее платье, жёлтенькое, под цвет новорожденного цыплёночка.

Хоть бы моргнул разок, пялится. Хам! Ну, смотри, смотри. Таких волос, как у меня — пышных, тёмно-рыжих, брызжущих на солнце золотом, больше нигде не увидишь. Я бросила презрительный взгляд на рубашку в пальмах и обширные «бермуды» Хама, из которых торчали волосатые ноги в тапках, зашлёпанных, вероятно, ещё год назад, нашла свободное место на скамье, села и тут же заскучала.

Над ухом зазвучал надрывный, страстный тенор:

— Перед такую красотой

Померкнут солнце и луна.

Скажу со всею прямою —

Затмила небо мне она!

Рядом сидел длинный нескладный парень с тонкой шеей. Стихи явно предназначались мне.

— Извините, это я экспромтом... Как только я увидел ваши восхитительные глаза...

Значит, глаза у меня находятся на затылке.

— О, ваши глаза... — тут поэт смутился и пошёл бордовыми пятнами. — Светло-карие, со звёздами в глубинах, и даже длинных тень ресниц те звёзды не затмит.

— Какие звёзды? — хихикнула я.

— Такие. Горячие, с хитринкой. Я — Петер. А вы — Зина! Сейчас исполню я для вас стихи, которые ваял одной бессонной ночью...

— О, нет, — засмеялась я, зажала уши и покинула огорчённого поэта.

Похоже, меня заметил не только поэт Петруша. По палубе расхаживал бородатый мужчина с огненным взором. Ничего, кроме шортов и сандалий, он надеть не удосужился.

— Говорят, на острове живет воинственное племя, — порывивал он хриплым баритоном.

— Да-да, — подтвердила со скамьи суетливая бабушка. — Я слышала, там обитают каннибалы!

— Ничего, отобьёмся от любых папуасов! — весело рычал бородатый, поигрывал мускулами и вращал глазами. — Правда, цыпочка?

Цыпочка — это я, что ли? Бородатый продолжал:

— Сойдём на берег — держись меня! Я тебя у любых каннибалов отоблю! Видала бицепсы? А трицепсы? Ого-го! Жаль, револьвер запретили взять, уж я бы погулял... Эти гоблины ничего не понимают в оружии. Ничего, ты ещё узнаешь, каков Геннадий в действии. Эй, ты куда?

Я ушла к правому борту, где стоял безобидный мужчина козлообразного вида с бородкой клинышком.

— Он ужасен, — понимающе вздохнул мой новый собеседник и неторопливо поправил очки. — Прошу вас, не обращайтесь внимания. Наверняка он принимает анаболические стероиды, чтобы нарастить мышечную массу, а эти препараты разрушительно действуют на нервную систему.

Я оглянулась по сторонам, но рядом никого не было. Значит, этот умник разговаривает со мной.

— А? — переспросила я.

— М-м-м... — неопределенно ответил умник и потёр высокий благородный лоб с залысинами. — А вы, хоть и рыжая, всё ж блондинка! Что ж, тем лучше. Блондинка в рыжей упаковке! Вы, насколько мне известно, Зина. А меня зовут Виктор. Я знаю об острове всё. И расскажу о нём гораздо лучше гида.

— Гид — из местных, — напомнила я.

— Это не имеет значения. Я проштудировал массу литературы, прежде чем поехать сюда.

— А, так вы имеете в виду остров, на котором расположен наш курорт?

— О нём мне тоже всё известно. Кстати, вы знаете, чьё имя носит наш славный корабль?

— Знаю. Адмирала Ухауа.

— А кто этот адмирал, вы знаете? Разумеется, нет. В девятнадцатом веке этот герой поднял восстание против англичан, владельцев архипелага. С тех пор острова обрели политическую независимость. Теперь архипелаг живёт на доходы с туристического бизнеса и самостоятельно производит прохладительные напитки.

Я раззявила рот в отчаянном зевке. Челюсть внезапно хрустнула, и я замерла с открытым ртом. Умник Виктор восторжествовал.

— Да, удивительная история. На самом деле Ухауа не был адмиралом. Это его местные так... повысили. Видать, уже посмертно. Военных кораблей аборигены не имеют, поэтому именем знаменитого адмирала нарекли то, что есть в наличии.

Я осторожно закрыла рот. Вроде ничего, жить можно.

— Сейчас я расскажу... — вдохновился Виктор.

— Извините, я шляпу в каюте забыла, — торопливо прервала я его и снова оглянулась, теперь уже в поисках безопасного места. Увы, прямо ко мне направлялся Хам. Он нес два высоких стакана с соком, и я приготовилась дать немедленный отпор. Хам сунул мне в руки влажный холодный стакан, оглядел меня с ног до головы, ухмыльнулся и ушёл. «Вот и славно», — обрадовалась я и покинула оторопевшего Виктора.

Эстафету перенял Геннадий:

— Ты ко мне, красотка?

Двадцать минут я трусливо отсиживалась в каюте. Увы, здесь не было кондиционера. Сидеть в невыносимой духоте не было сил, и я снова поднялась на палубу. Где и обнаружила Петрушу, который удивил меня цветом лица — серым с прозеленью. Чуть оттопыренные уши поэта трогательно светились на солнце розовым. Петруша одарил меня очередным экспромтом:

— Вы — о ком ночами грежу,

Хоть говорят — с лица воды не пить.

Я вены разве что не режу,

Ведь мне без вас ни дня не жить.

— Грежу? — коварно хихикнула я. — Или грезю?

Поэт «приземлился» с недоумением на зеленоватом челе:

— Э-э-э...

— Что с вами, Петя?

— Ох... Всю жизнь мечтал о морской прогулке, и вот...

— Всё ясно. Вас укачало.

«Какая мне разница», — подумала я про себя и тут же подошла к Виктору спросить, есть ли у него таблетки от морской болезни.

— Средство от укачивания? — удивился он. — А зачем оно мне?

— Так не вам.

— Вас укачало? Сочувствую всей душой. Я провожу вас к себе в каюту, и вы лежите до конца путешествия. Видите, мы уже приближаемся к берегу?

— Вижу, не глухая, — вздохнула я. — А где можно найти таблетки, не знаете?

— У меня! — жизнерадостно взревел за спиной силач Геннадий. — Пошли ко мне, крошка, сейчас я их найду.

Геннадий скорчил свирепую рожу в сторону Виктора, взял меня за локоть и потянул за собой. Гостеприимно распахнув дверь каюты, он сунулся внутрь и тут же со страшным рыком отпрыгнул в коридор.

У меня подкосились ноги.

— Что там? — шёпотом спросила я. Геннадий с вытаращенными глазами махнул рукой в сторону двери и прошипел севшим голосом:

— Там...

Я осторожно заглянула в каюту.

Прямо напротив входа я увидела пышную рослую девицу в коротком жёлтом платье — своё собственное отражение.

— Это зеркало, — холодно сообщила я.

У Геннадия прорезался голос:

— Зеркало?

Он с опаской заглянул в каюту и удивился:

— Надо же! А раньше я его не замечал.

— Ладно. Давайте таблетки, и я пойду.

— Они у меня в каюте.

— Так вынесите их. Я подожду.

— Ну-у... Я не знаю точно, где они лежат. А ты поможешь их найти. Времени у нас, цыпочка, осталось шиш да маленько.

— Тьфу ты, — с досадой сплюнула я и отошла от каюты.

В коридоре мне попался Хам.

— Есть что-нибудь от морской болезни? — спросила я. Может, хоть от него какая польза будет? Тот молча кивнул и пошёл к себе. В коридоре маячил силач Геннадий, поэтому я зашла в каюту вслед за Хамом. Пока он рылся в сумке, я огляделась и увидела приоткрытый шкаф. А в нём что-то загадочно блестело.. Любопытство пересилило, я украдкой заглянула в шкаф, и... меня кто-то повалил на пол! Кто-то холодный и мерзкий! Я завизжала и отбросила его от себя. «Насильник» оказался неожиданно лёгким.

Каюту потряс гомерический хохот. Смеялся Хам.

— Как вы смеете? — воскликнула я, увидела на полу водолазный костюм и осеклась. Не удержалась и тоже захохотала.

Хам помог мне подняться и вручил пузырёк с таблетками.

Пузырёк переключал к поэту, охваченному тоской. Петя набрал в лёгкие воздуха и тут же сдулся: но экспромт не пошёл. Видать, совсем парню тошно было.

Сразу после высадки Виктор властно подхватил меня под локоток и отвёл от группы.

— Здесь, в тропических дебрях, прячутся древние развалины, — интимным тоном сообщил он. — Сейчас мы их найдём, и я расскажу о них гораздо занимательнее, чем любой из местных гидов.

В проспекте никаких развалин не значилось, и я заинтересовалась. Ходить с группой, как в стаде коров, и впрямь не хотелось.

Наша самодеятельность не осталась незамеченной.

— Здесь без охраны опасно, цыпочка, — предупредил Геннадий. — Сказано же — без меня ни шагу!

И Гена присоединился к нашей экспедиции. Как-то незаметно к нам прибился и поэт Петруша.

Джунгли начинались сразу же за полосой песчаного пляжа.

— Надо идти туда, — сказал Виктор Геннадию и указал рукой в сторону непролазных дебрей. — Ты у нас самый сильный, вот и прокладывай дорогу.

Силач Геннадий рыкнул и пошёл вперёд.

Меня не покидало ощущение, будто мы продираемся сквозь стену, облепленные вязкой духотой.

— Мачете бы не помешало, — глубокомысленно изрёк Виктор.

Поэт Петруша в арьергарде испустил протяжный стон и заявил:

— Всё, я дальше идти не могу. Друзья, оставьте здесь меня...

— Какая жертвенность! — восхитилась я. — А если вас сожрут дикие звери?

— Дальше не пройти! — объявил взмыленный Геннадий. Хорошо, что он догадался надеть рубашку. Листья многих растений были жёсткими, с режущими краями. Я украдкой жалела исцарапанную кожу.

— Да, ты прав. Я потерял тропу, — покался Виктор.

— Какую тропу? — удивился Гена.

— Всё, ребята, возвращаемся, — скомандовала я. — Надо найти группу, гида и ходить по тропам.

— Да-да, строго по тропам, — авторитетно подтвердил Виктор.

Мы повернули назад. Впереди, как и прежде, пробивался Гена. Воздух гудел от насекомых. Я вытащила из сумочки баллончик с аэрозолем и побрызгалась. Поэт простонал:

— О, Зиночка, меня вконец заели! Дайте мне, пожалуйста, баллон.

— И мне, — деликатно попросил Виктор.

— Мне — в первую очередь, — прорычал Гена.

— Это почему тебе в первую очередь? — взъелся Виктор.

— Потому что я самый большой, меня больше всех кусают.

«Чихать я хотела на этих идиотов, — подумала я. — Изведут весь баллон, а я с чем останусь?» И тут же отдала баллон Петруше. Гена отобрал средство у возмущенного поэта. В мужских руках баллон «ушёл» за один присест. Гена зашвырнул его куда-то за кромку деревьев, повернулся к Виктору и заявил:

— Теперь, умник ты наш, твоя очередь заросли проламывать.

— Это почему же?

— Не всё ж мне за всех отдуваться.

Виктор оценивающе посмотрел на Петрушу. Голова поэта безвольно покачивалась на тонкой шее. Виктор вздохнул и пошёл вперед.

Через несколько шагов он остановился:

— Всё. Больше не могу. Петя, как хочешь, но теперь твоя очередь.

Поэт уткнулся в заросли и встал столбом, ни туда, ни сюда.

— Короче, мужики, — озлилась я, отодвинула Петю и полезла вперёд сама. Если рассуждать теоретически, по джунглям без мачете ходить можно. Видимо, Виктор, когда приглашал

меня к мифическим руинам, рассуждал именно так. Я шла напролом сквозь заросли, перепутанные лианами, до тех пор, пока не упёрлась в огромное «колесо» паутины. В середине тенёт подрагивал паук величиной с Генкин кроссовок.

— Мама, — жалобно проблеяла я, резво повернула назад и угодила в спасительные объятия Петруши.

— Что стряслось, звезда ночей моих? Вижу страх в очах твоих прекрасных, — спросил поэт, узрел паутину и восхитился:

— О...

— Его здесь не было, — заявил Геннадий и ткнул пальцем в сторону паука. — Это так же верно, как и то, что у меня разряд по плаванию.

— Юношеский, молодой человек, — поддел его Виктор. — Паутина — дело наживное. Полчаса назад её не было, и вот она уже есть.

— Слушай, умник. Мы давно должны уже выйти к морю...

— Но что-то грохота прибоя не слышать, — добавил Петя.

— Море должно быть уже близко. Остров крошечный, от берега до берега — два шага. Надо идти, — сказал Виктор. — Если впереди снова пойдёт самый сильный, мы очень скоро достигнем пляжа.

Наша группа почтительно обошла липкие канаты паутины. Спустя десять минут стало окончательно ясно, что мы заблудились.

— Надо забраться на высокое дерево и оглядеться, — предложил Виктор.

— Милости прошу, — едко ответил Гена и сделал приглашающий жест к ближайшему дереву. Шершавый ствол, заросший вдоль и поперек лианами, круто уходил вверх и терялся над головами в немыслимых зарослях. Откуда-то сверху доносился птичий гомон.

— Увы, туда не заберётся даже обезьяна, — вздохнул поэт.

— Куда ты нас завёл? — напустился на Виктора Гена.

— Я завёл? А кто всё время впереди шагал?

— Кто нам дорогу указал, джипиэс хренов?

— Так надо же смотреть, куда идёшь! Ты ж не один в лесу, надо ведь ответственность какую-то нести!

— Я и без ответственности центнер мышц с собой таскаю!

— Устал, поди? Так сядь и отдохни!

— И это — вместо «спасибо»?! Планктон в очках! Да на фига мне это надо! — взревел Геннадий, и птицы наверху замолкли. Силач заметался между зарослей.

— Тоска сдавила моё сердце, — раздалась вдруг стенания Петруши. — Вот здесь я и умру, и маму больше не увижу. Скажите, Зиночка, что любите меня, мне будет так спокойней умереть.

Виктор уселся на поваленный ствол и с видом полного отчаяния обхватил руками голову.

— Так. Ну-ка, парни, ша! Отставить панику! — скомандовала я, но меня никто не слушал. Положение и впрямь сложилось незавидное. Надо что-то срочно придумать. Не может быть, чтобы я так и сгинула на каком-то острове, который «два шага — и берег». Откуда-то издалека, из сумеречных дебрей, раздался рык зверей. Вот был бы с нами Хам... Нет, он бы не отжёг такую глупость. И мне бы не позволил.

Чья-то ладонь мягко зажала мне рот. Меня оторвали от земли и бесшумно понесли сквозь джунгли. Удалившись на приличное расстояние, меня поставили на ноги. Я издала длинный вопль и сиганула в заросли. Сбежать, увы, не удалось. Перед глазами замелькали яркие белки глаз, аспидно-чёрные расписные лица, заточенные треугольниками зубы, копыта и разноцветные браслеты. Каннибалы! Я снова завопила и забилась в руках папуасов. Соппротивление подавили без лишней суеты и шума. Два каннибала держали меня за руки, а третий пал передо мною ниц и промолвил на разборчивом английском:

— Не отворачивайся от своего народа, великая Айтазуп! Если ты отвергнешь наше племя, оно погибнет от страшных лишений!

Я перестала вырываться и обмякла. Второй и третий похитители бухнулись наземь вместе с первым, потом все трое поднялись и пригласили следовать за ними. Я смекнула, что бегать по незнакомой местности не следует. На острове, даже на таком маленьком, можно запросто исчезнуть без следа. А тут хоть какие-то, но люди. Любопытно, за кого они меня принимают...

Похитители привели меня... к развалинам. Величественные остовы терялись в буйных зарослях. Среди разрушенных стен стояло несколько жалких шалашей. Тощие аборигены при нашем появлении попадали наземь. Невдалеке возвышалась статуя, в которой я с первого взгляда узнала себя самоё. «Так вот в чём дело! — поразила я. — Похоже, это местное божество. Но кто и зачем её изваял? И кто послужил натурой?» Я направилась к статуе мимо распластанных дикарей. Вблизи черты изваяния терялись. Творение оказалось нерукотворным. «Природная скала, останец! Умник Виктор бы присовокупил — результат выветривания. Надо же, как удачно».

Больше всего на свете хотелось пить и есть. Пока я топталась рядом со скульптурой, аборигены разошлись по своим делам. Дел у них немного: сидят, ничего не делают. Только седая старуха помешивает в котле какую-то чачу. Я увидела одного из похитителей, и, кое-как подобрав английские слова, попросила чего-нибудь попить и поесть. Тот торопливо закивал, отвёл меня на каменный трон, украшенный листьями и цветами, и убежал. Через минуту он принёс глиняный кувшин с водой и две жалкие рыбёшки на зелёном листе, зажаренные почти до угольев.

— И это всё? — кисло удивилась я.

Папуас радостно закивал, пятясь задом. Я прочно угнездилась на троне, положила листик с обедом на колени и загрустила. Выпила воду и съела рыбок, скрипя зубами на угольях, а потом вспомнила о попутчиках. «Надо забрать ребят из леса и каким-то образом отсюда выбираться. Да ну их в баню, сами выберутся», — подумала я и тут же поманила пальцем ближайшего папуаса:

— Там, в лесу, остались трое. Их надо привести сюда.

Парней привели очень скоро. Они послушно плелись под конвоем, бросая вокруг настороженные взгляды. Я приосанилась, расставила локти и упёрла руки в колени. Увидев меня, ребята страшно удивились и обрадовались.

— Зина! Зинаида! Зиночка! — заговорили они разом и втроём подались ко мне.

— Но-но! — осадил я их. — Аккуратней на поворотах, пристёгиваться надо. Я здесь главная. На колени, вжик! Быстро!

— Милая Зиночка, мы и так знаем, что ты королева, но не могла бы ты подобрать иные методы управления персоналом? — беззлобно поинтересовался Виктор.

— Ради твоей красоты я весь остров на коленях исползаю, — заверил Гена и поцеловал мне руку. На колени он, однако, не встал.

— О, прекраснейшая, ради вас... — пролепетал поэт в экстазе.

— Поэт на коленях — это так романтично, — оценила я Петрушино послушание и примирительно буркнула через губу:

— Считайте, выкрутились. Пора возвращаться к своим, пока нас тут не съели. Думайте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.